

ИНЫЕ БЕРЕГА

ПРОГУЛКИ СО СЛОВАРЕМ

Интерлюдия

Когда ты бредешь вдоль набережной, по одну сторону от которой — Подол, а по другую — Латинский квартал, когда ты одновременно в родном Киеве — городе, где самый неприметный домик кажется воплощением архитектурного совершенства и Париже — городе, указавшем на тайные смыслы немого языка ушедших эпох... Когда Днепр сливается с Сеной, и ты плывешь вдоль мутных потоков времени, но всё ещё не решаешься войти в *одну и ту же реку дважды*, потому, что не дано тебе сегодня, в этот момент, загромождённый картинками разрекламированной современности, сквозь обилие туристических маршрутов, разглядеть начало чистого источника, в который — не страшно, в который можно ступить и остаться, как в центре другого, любви, начале всего сущего... Когда ты понимаешь, что это — всего лишь чей-то сон — все твои маршруты с их маленькими камешками и встречными течениями по дороге, вся твоя тоска о большем, которое просачивается сквозь дрему золотым плодом, несорванным, ласкающим лишь зрение, неприкосновенным... Что тебе остается, заточенной в клетку единственной жизни, которую нужно прожить сейчас же, немедленно, не уповая на жизни будущие, которые, возможно, исправят то, что недоделано здесь... А возможно — и усугубят...

Признание

Полюбить. Не сразу, не с первого взгляда. В третий раз приезжая в страну. Исходив нетуристические узкие улочки, с одной стороны которых — серия маленьких галерей, где художники, иногда, они же — владельцы, благодарно кивают твоему вниманию, а с другой — продовольственные лавочки, наполненные немислимыми соблазнами. Испачкав руки жареными каштанами и сжевав несколько бесплатных сухариков в булочной. Выйдя из Лувра и забыв посмотреть на знамени-

тую Джоконду и Венеру Милосскую, стрелки к которым опоясывают все этажи, но посвятив целый день египетским черепкам и саркофагам. Найдя маленький сквер Шевченко, где якобы любил отдыхать поэт — гордость украинцев. Найдя в Музее восточных искусств всё, что можно найти в Индии, на Тибете, Китае... Выстояв на январской улице перед Гранд Пале трехчасовую очередь (вот уж никак не ожидала от избалованных искусством французов) на выставку Климта и удостоившись бесплатного кофе для согрева, преподнесенного тебе тут же стоящим в очереди французом, жалостливым к твоему красному носу. Бродя по замку Наполеона в Фонтенбло и поражаясь скромности запросов сего государственного мужа, у которого перед кроватью стоял всегда готовый к работе письменный стол. За стриженными газонами и фонтанами Версаля прочитывая историю мадемуазель де Лавальер и Людовика, так романтично преподнесенную Дюма в «Трех мушкетерах», заполнивших твоё детство выдуманными писательской фантазией кодексами чести. Слушая Мирей Матье и вспоминая свою неизменную детскую стрижку, которую мама называла *под Мирей Матье*. Слушая Шарля Азнавура, покоровившего пресыщенный искусством Париж своими пронзительными признаниями в любви, и Гинзбурга, так поразившего тебя своими ранними песнями, но ставшего к концу жизни не более, чем культовым персонажем. Думая о том, что нашего Ярослава не зря называли Мудрым, поскольку он выдал свою дочь Анну королю Генриху I, тем самым навсегда подмешав славянскую кровь в дикий — в те далекие времена — дух Франции, а следовательно — сделав возможным пребывание в этой стране той, которая думает и пишет всё это.

Маме

Тебе, с детства приучившей меня к этой стране...

К шести годам я хвасталась стрижкой а ля Мирей и пластинками Шарля Азнавура, в десять — десятком французских слов, с которыми так и вышла из школы, пополнив свой словарный запас ещё несколькими бонжурами. В мои семнадцать мы вместе приехали в Санкт-Петербург и побывали на выставке французских импрессионистов в Эрмитаже. В восемнадцать в киевском университете я выбрала факультативный фран-

цузский и была уверена, что немного знаю его... Мое неведение продолжалось до тех пор, пока я не попала во Францию и не почувствовала себя глухой посреди уличного диалога. Задолго до этого началась пора французской литературы и музыки: Мопассана, Бальзака, Стендаля, Дебюсси, Равеля, которых мне открыла ты, университетских Камю, Сартра, Саган, и моих собственных Бодлера, Верлена, Рембо, Сен-Жон Перса, Сати, Мессиана...

Париж приближался, но ты таяла на глазах, мама. И теперь сны о тебе иногда похожи на исправленный временем хэппи энд, где ты жива и здорова, но чаще — на кошмар, как месть за то, что я плохо справляюсь с домашним заданием. Прости меня, мама, я очень стараюсь соответствовать твоим желаниям, запрограммированная твоими мечтами и вкусами с детства, я продолжаю старательно выполнять твою программу: это твоя мечта — путешествовать, твоя мечта — выучить французский и твоя мечта — жить в семье, как за каменной стеной даже если эта стена — в другой стране...

Но разве это я — старательная домохозяйка, сдувающая пыль со старой мебели и планирующая для семьи недельный рацион, который нужно купить всегда в одном и том же супермаркете? И разве это я, бредущая дождливым Парижем на ощупь, готовая забыть себя и потеряться среди других таких же потерянных, всматривающихся в красивых манекенов и терпеливо ожидающих зимних скидок, чтобы купить себе дешевые сапоги? И разве это я, ради познания нескольких новых слов включающая ненавистный телевизор, всегда готовый заполнить пустое пространство внутри? И как я могу, не понимая половины, отделять зерна от плевел — болтовню, которую ни мой разум, ни моё сердце не способно понять, от того небольшого ценного, что доносится с экрана?

Нет. Это не я. Всё это — не я, а ты! Я ещё не воплотилась. Здесь.

Филологическая справка I

Vegeter — плохо расти, чахнуть — прямой смысл, *прозябать* — переносный. Последний я успешно осуществляю.

Я, комнатное растение, смотрю из окна своего вазона на людей, проходящих мимо, поражаюсь, как некоторые сорта особенно успешно приспособляются к окружающим условиям:

- дождю,
- брошенным на ветер деньгам,
- себе подобным.

Некоторые даже покрываются защитной пленкой, с годами затвердевающей в коросту карьеры. К концу жизни они, как правило, похожи на свой панцирь, защищающий от любых непогод и эмоций. Классики наделяют их именами:

- Человек в футляре,
- Человек-макинтош,
- Человек-амфибия...

Воодушевленная их двойной способностью становится литературными прототипами и мимикрировать, в попытке стать частью литературы или мира, я покидаю свою квартиру. Но не свой вазон.

— Всё своё ношу с собой! — оправдываюсь древним изречением, не претендуя на достоверность.

Филологическая справка II

Лимита по-нашему — люди, которые приезжают в большие города в поисках работы и соглашаются на самые низкие заработки. Лимитчики. Здесь, неожиданно ты открываешь другой смысл этого глагола — *limiter* буквальный: *ограничить*. Ограничить себя: в спектаклях, выставках и концертах своих плодовых друзей, в ежедневных телефонных разговорах, собаке, зализывающей твоё одиночество тёплым маленьким языком, отце — единственном, оставшемся в живых близком по крови, доме, напоминающем материнскую утробу, откуда тебе так не хочется выходить на холодный рассеянный свет, смотрящий на твою чуждость в этом мире. В мире, где тебе слишком многим хотелось быть, где ты не могла ограничиться ни в выражении своих фантазий, для которых были предоставлены многочисленные пространства, ни в мужчине, который всегда менял свои лица, ни в городе, где каждый десятый на Андреевском спуске, напоминающем одну из улочек на Монмартре, раскрывал тебе свои объятия... Отказаться от последней привязанности в этом мире — от родного города, с которым тебя связывало не одно поколение, в который ты запустила корни настолько глубоко, что достигла его нижней точки — ада уз, которые, разорвавшись, превращаются в ад одиночества, во внутреннее изгнание.

Изгнание. Ещё там. Ещё до пересечения границы. Может быть, оно послано для того, чтобы ты не слишком сокрушалась о потерянной родине? Да и что значит — потерять? Поменять дом? Гражданство? Язык? С последним тяжелее всего. Ты погружаешься в словари — и твой язык отходит в сторону. Ты пропитываешься французской речью — и следы русского постепенно высыхают под солнцем новых звуков. Ты старательно изучаешь фонетику и грамматику, ходишь на курсы, говоришь на суржике, понятном только тебе и профессору, ставшему для тебя связующим звеном между книжным миром, оставленным в родной стране и миром незнакомых слов, в который тыходишь с любопытством ребенка, захлебывающимся в грамматических конструкциях чужой стихии, теряющим своё прошлое, которое постепенно становится неинтересным, а со временем и вовсе ненужным настолько, что твой язык покидает пределы твоей комнаты, твоего дома, тебя.

Ты замечаешь, что с трудом подбираешь слова, чтобы перевести твоему соотечественнику французские слова. Иногда ты впадаешь в косноязычие. Иногда вообще не понимаешь, на каком языке говоришь, особенно, когда по левую руку — русофон, а по правую — франкофон. К последнему ты обращаешься на русском, и только когда видишь искрящиеся смехом глаза и *Да, да, да, да* — единственные слова, которые он произносит без ошибок, — понимаешь что перепутала адресата. А так ли важен он, твой адресат — и не всё ли равно, кем быть непонятой? Через некоторое время очертания твоего города окончательно размоются осенними дождями — как-никак это твоя вторая осень на чужой земле, которую ты начинаешь чувствовать своей — и воспоминания о первой половине жизни перейдут в разряд сюжетов.

— Неужели ты уже успела понять, что такое ностальгия? — в голосе моей подруги слышится насмешка.

— Нет. И, надеюсь, никогда не пойму. Я собираюсь часто приезжать на родину...

— Что-то слишком часто ты стала произносить это слово. Что оно для тебя значит?

— Ничего из того, что можно обрисовать четкими линиями. Слабые мазки импрессионизма, в дымке которых, как в лондонской картине Клода Моне проступают знакомые очертания — серые улицы до боли родного города, который улыбается тебе навстречу, наряжаясь, как елочка, бутиками и рес-

торанами. Твои любимые близкие, которые населяют, но по большому счету не принадлежат этому городу, а живут своими маленькими государствами. Твой отец, так рано состарившийся, что каждый день ты боишься лишиться его, маленький пёсик, который учил тебя любви на протяжении семи одиноких лет. Вот, что такое родина. И ещё язык, на котором ты говоришь с детства, льющийся потоком, просторный, как поле, и весомый, как бумеранг, возвращения которого ждешь.

Филофиллипики

Можно ли изменить родному языку и отомстит ли он за это?

Вопрос тяжелый и прежде, чем отвечать на него, стоит выяснить, что в данном случае означает — изменить? Например, начать говорить и писать на чужом, а на своем перестать думать, молиться и даже видеть сны — измена ли это? Или другая манера звукоизвлечения? Как будто вы поменяли инструмент, но продолжаете играть старую мелодию. И те, кто слушал вас у рояля, говорят, что на скрипке вы играете намного интереснее и даже экзотичнее. А другие, напротив, утверждают, что вы ничем не отличаетесь от тысяч остальных, таких же любителей и что вряд ли у вас получится собрать большой зал с вашей дилетантской игрой.

Может, это и есть месть языка — превратить профессионала в дилетанта? Жонглера фраз и акробата выражений в уличного паяца, развлекающего толпу за гроши?

И как родной язык отомстит? Лишит вдохновения, сделает косноязычной... или просто отвернется и махнет на тебя рукой?

Слова

Последнее время у меня появилось подозрительное пристрастие к незнакомым словам. Можно сказать, я влюбляюсь в каждое новое слово, которое встречаю на странице. Такая возмутительная ветреность приводит к тому, что многие из них не выдерживают и покидают мою память. Причем, при самых неблагоприятных обстоятельствах: когда я особенно нуждаюсь в том, чтобы выразить какую-нибудь важную мысль. Я, конечно, делаю всё возможное, чтобы их остановить: выиски-

ваю в словарях и тетрадках, записываю в блокноты — всё напрасно. Как только я остаюсь наедине с ними, они фыркают, поворачиваются ко мне своими сгорбленными смыслами и растворяются на глазах, оставляя вместо себя невнятную абракадабру.

— Что? Что? И это, по-твоему, французский? — смеётся собеседник, пока я мучительно пытаюсь задержать на кончике языка самые вкусные и лёгкие из них — односложные, а длинные ухватить за полы ускользающего шлейфа.

— Ох, уж эта айседоридунканья мода! — восклицаю в отчаянии, — вечно за ней тянется самоубийственный конец! Нет, чтобы пользоваться общественным транспортом и красоваться в коротких одеждах, состоящих из одного-двух слогов, так нет же, понапяливают на себя шарфики, сумочки, бижутерию и какой-нибудь умопомрачительный запах, так что уже издалека видать: голым языком это слово не взять. Тут нужен правильный грамматический подход: настойчивые ухаживания с повторением бесконечных комплиментов. И не дай Бог, поменять их местами. Этого они не выносят: сразу меняют смысл всей фразы. Вот они — причины эмансипации. Тут поневоле позавидуешь мужчинам, заблуждаясь дождливым Парижем.

Лингвистическая психология

Познай себя, узнав свой словарный запас. Чужой язык облегчит исследование. Главное — запомни слова, которые ты произносишь чаще всего и за которыми не обращаешься к словарю. Тут же отбрось бытовую лексику. С ней ты не поймешь ничего — максимум убедишься в своих вкусовых предпочтениях: например, если ты запомнила, с каким артиклем употребляется *чай*, а в слове *кофе* делаешь неизменную ошибку, значит, ты явно предпочитаешь чаепитие. И пора бы купить в этот дом хоть один чайник... Так, не отвлекайся. Сосредоточь внимание на абстрактной лексике, на понятиях непредметных, а также на междометиях, вводных словах и особенно на глаголах, которые ты по-ученически выписываешь в столбик каждый день, чтобы с замирающим сердцем подсчитать новинки в твоём словарном запасе. *Мне кажется, что...* — говоришь ты, когда хочешь передать ощущения сегодняшнего дня. *Это похоже на...* — сравниваешь те или иные чувства. *Быть может,* — отвечаешь на конкретный вопрос. *Не увере-*

на, — сопротивляешься чужой настойчивости. *Мне бы хотелось*, — произносишь почти шепотом. *Я думаю*, — иногда делишься спонтанными мыслями. *Случайно*, — повторяешь всё чаще. Да, не позавидуешь тому, кто решился на такого неоднозначного собеседника, балансирующего между *да и нет*, как между двумя опорами, но предпочитающего жить в состоянии занесенной для шага интонации. Тем более, если этот собеседник без словаря не понимает и половины из того, о чём с ним говорят.

Вот когда убеждаешься в правоте мужского *Молчащая женщина лучше, чем говорящая*. Вот когда начинаешь понимать домашних животных, преданно, но тупо смотрящих тебе в рот, пока ты произносишь слишком длинную фразу, и тут же благодарно кивающих и спешащих исполнить твои желания, когда ты произносишь однозначности из серии *кушать, спать, гулять, молодец...* Им-то потом не придёт в голову упрекать тебя в невежливости, как это делаешь ты по отношению к своему собеседнику, потерявшему терпение и рычащему тебе: *иди сюда, подай книгу, да нет же, не словарь!!!*

Речь в защиту неведения

О, это счастье неведения. Когда ты не понимаешь чужой язык и поэтому пропускаешь несущественное. Оно пронесется мимо, как песок, поднятый ветром, или осенние листья, подхваченные зимним порывом — ты улыбаешься банальным сравнениям, пока чужие слова шелестят на ветру, не задевая, не касаясь главного, понятого без слов в тот момент, когда двое идут навстречу друг другу в потемках молчанья, пытаясь нащупать своё бессловесное *мы*.

Если бы все влюбленные разучились разговаривать, не теряя при этом дара любви, на земле не осталось бы ссор, сора, песка, попадающего в глаза, режущего их мелкими упреками непониманий. Первое, что запоминаешь во Франции, что попадает на слух чаще всего — *c'est pas grave*. Ты слышишь эти слова везде — в телефонной трубке, в доме, в метро и на улицах, магазинах и музеях. Отовсюду ты выходишь с ощущением, что *это не важно*. И это повторяется так часто, что неважным кажется всё. И после первого знакомства ты покидаешь эту страну с таким чувством, что для француза не осталось вообще ничего, что было бы важным.

Не учите иностранные языки! Вы всё равно не овладеете всем богатством и нюансами, которыми они обладают, настолько, чтобы создавать новые и блистать в обществе артистов и литераторов, а говорить с первым встречным на улице — навлекать на свою голову новые приключения, от которых вы сбежали из своей родной страны.

Забывайте постепенно свой родной язык! Сначала забудьте, как вы называли самых любимых людей, без которых вы не мыслили своей жизни и которых собирались хранить в своем сердце до старости. Постарайтесь забыть также их паспортные имена — ваше сердце не безразмерное и если уж вы согласились с новой реальностью, постарайтесь заполнить сердце ею. Но если при всех ваших стараниях, вам не удастся забыть их, постарайтесь обойтись без слов.

Научитесь вспоминать без слов, слышать без слов, понимать без слов. Научитесь касаться друг друга мыслями и мечтами. Научитесь посвящать другим самые сокровенные тайны вашего сердца, не открывая рта. Научитесь писать им письма — и не отправлять их. Но получать ответы, которые прочитываются мгновенно.

Научитесь касаться друг друга дыханием. *Быть может, прежде губ уже родился шёпот...* — писал Мандельштам. А прежде шёпота... Вы только подумали о слове, а оно уже донеслось, произнесенное, до другого. А если вам не удастся мысль, научитесь говорить жестами. Пройдите путь от первобытности, лишенной самого необходимого, через цивилизацию, обремененную излишком всего, к состоянию собственника, владеющего и тем и другим, но отказавшегося от желания владеть. Забудьте про ваши университеты — они всё равно не понадобятся, если вы решили посвятить свою жизнь воспитанию ребенка, мужа или сочинительству, обязывающему вас найти свой собственный стиль и забыть все писанные и неписанные правила.

АКТЕР

Вот он — настоящий театр! — Она шла по Комеди Франсез, сияя восторгом. Проплывали портреты Сары Бернар, Мольера, Тальмы. Возле каждого хотелось остановиться и сфотографироваться. Но оставался только один кадр — и она знала, для кого он предназначен. Для того, кто вел её по этим ступеням. Кто показывал ей настоящее. Ей казалось, что этот человек олицетворяет собой весь театр. А ещё ей казалось, что он показывает ей некий путь, который она должна пройти, если она, конечно, поймет, что путь этот — её. И поскольку именно этот актер работал в театре, в котором она работала в Киеве сейчас, и именно он преодолел инертность расстояния и очутился здесь, в городе её мечты, она видела в этой встрече ту самую знаковость, которую бурное воображение любого творческого человека предпочитает видеть в каждой встрече.

— А вот и кресло, в котором Мольер играл свою последнюю роль, — он указал ей на слабоосвещённый угол в глубине коридора.

В кресле не было ничего примечательного, но ореол легенды витал над ним, превращая одновременно в царственное и священное.

Они вышли из театра. На вечерний спектакль «Тартюф», в котором он играл, она не осталась. Слишком убогим был её французский.

— Спасибо. В следующий раз. Когда смогу наслаждаться игрой актеров, а не лезть в словарь в поисках точного смысла.

Она хотела остаться наедине со своими впечатлениями. И с несколькими кадрами. Они — под портретом Сары Бернар. Она, сидящая в зале Комедии Франсез — единственным зрителем. *Как же я не сообразила сфотографироваться на сцене?* Она всегда забывала об этом правиле: сделать фотографию с желаемым, чтобы оно сбылось.

— А у меня к вам просьба, — неожиданно сказал он.

— Какая? — с радостью откликнулась она.

— К следующей нашей встрече я захвачу письма к своим друзьям в Украине. Вам не сложно будет отправить их из Киева? — Он замаялся: Там это намного дешевле...

— Конечно! — Она поспешно согласилась, обрадованная тем, что хоть чем-то может служить человеку, открывшему для неё неизвестные страницы новой книги, которую ей когда-то предстояло прочесть полностью.

Они договорились встретиться перед её отъездом в Киев.

Когда она вернулась в Киев, то начала добросовестно обзванивать тех людей, которые были написаны на листике, вырванном при ней из блокнота. Те, напротив которых отсутствовал телефон, должны были получить от неё письма по почте. Их было совсем мало, но когда она надписывала конверты, ей стало грустно: она поняла, как Актеру приходилось экономить деньги в Париже, если он не мог себе позволить отправить в Украину несколько писем. Справившись с заданием, она повертела в руках листик с адресами в поисках мусорного ведра. Но обратная сторона его была заполнена мелким почерком. Ещё не понимая, кому предназначено написанное, она пробежала по нему глазами:

Меня ждет конец Л. Я. Он сам себя разрушил. Это было последнее проявление жизни, последняя воля, хотя и негативная, роковая. Мне очень плохо. Лечу в пропасть и не за что зацепиться. Ничего нет. Только память о немногих хороших мгновениях жизни. Уже очевидно, что лечение не поправит ситуацию. Не верю я и в операцию. Это врожденный наследственный недуг. Он лечится только могилой.

Перед ней вспыхнула картинка их последней встречи.

— Я поведу вас на кладбище Пасси, где похоронена Мария Башкирцева. У неё здесь самый красивый склеп. Родители были достаточно состоятельными.

— Мне кажется, и без красивого склепа к её могиле приходило бы достаточное количество паломников.

— Согласен. Один Дневник чего стоит!

— Да, я когда-то читала его. Он был настольной книгой юной Цветаевой, а я тогда писала диссертацию о ней.

— Удивительно, правда? В таком возрасте написать *такое*...

— И к тому же, какой смелостью надо было обладать, чтобы сделать его достоянием других.

— А картины?

— А разве она была не обыкновенным мастерским?

— Да нет же! — горячо возразил он. — Как-то мне посчастливилось найти несколько её работ в одном из музеев на юге Франции...

— Интересно, можно ли добиться чего-то, начав с нуля, без помощи родителей, покровителей?

— Нет правил без исключения. А бывают такие исключения, что и правила позавидуют. Сколько примеров, когда люди без прошлого завоевывали Париж! Шагал, Дягилев... Конечно, родители Марии дали ей кое-какие возможности...

Они подошли к красивому склепу, который выделялся среди других могил.

— Кажется, он открывается раз в год: в день её рождения...

Они поискали ещё несколько могил, строго следуя аккуратному плану у входа на кладбище, в котором были указаны все знаменитости. Нашли Скрябина. Совместными усилиями перевели надпись, которая оказалась чуть длиннее стандартной. Её спутник почему-то хотел найти Фернандела, и они стали бродить под морозящим небом в поисках его плиты. Дождь усилился — у неё промокли ноги — и они сдались, скоропостижно покинув кладбище и забежав в первое попавшееся кафе, одно из тех маленьких островков для встреч, которые ютятся друг возле друга, в которых уютно и тесно, и где, усаживаясь, можешь зацепить незнакомца за соседним столиком локтем. Она попыталась узнать, какие сорта зеленых чаев здесь водятся, но хозяйка непонимающе закивала головой. Он вмешался и на изысканно французском попросил предоставить в их распоряжение чайную карту. Она с восхищением слушала, какими звуковыми оттенками переливается чужая речь, а после — как она бормочет, булькает, натываясь на чашки, забившие выход из чайника — в чашку, как она всё больше насыщается цветом и вкусом.

Актер рассказывал о своей жизни в Париже, об удачах, постигших его здесь, о дружбе со знаменитой Анной Марли, автором знаменитой песни партизан, ставшей неофициальным гимном французского Сопротивления, и о спектакле, который они создали с женой по её песням. Как ни странно, но о противоположной стороне жизни — о десятилетнем выживании в чужой стране и поисках заработков и жилья — он молчал, лишь пару раз намекнув на то, как сложно было им в первые годы.

И, конечно, он промолчал об этой записи из Дневника, которая была предназначена только ему. А может быть — одному из тех друзей, письма которым она только что отправила.

ТЕРАПИЯ

Ничто не предвещало этот визит. Он пришел без предупреждения. Не пришел, а ворвался. Был выходной день, и я честно собирался посвятить его семье. Он вошел, сел в моё любимое кресло на террасе, закрыл глаза и, казалось, навсегда замолчал. С ним и раньше случались подобные приступы пауз — так я называл его неспособность высказаться без предисловий. Я пошел на кухню, чтобы приготовить чай и позволить ему собраться с мыслями. Честно говоря, мне совсем не хотелось заниматься консультированием в этот солнечный день. Я собрался погулять в парке Сан-Клу с женой и дочкой, которые не только не скрывали своего недовольства по поводу неожиданного гостя, но продолжали собираться на прогулку, как будто его и вовсе не было. Когда минут через пять я вернулся, ничего не изменилось: мой приятель восседал в моем кресле, не подавая признаков жизни. Почувствовав моё присутствие, он, наконец, открыл глаза и бросил свою дежурную фразу:

— Что подельваешь?

— Собирался выбраться с семьей на природу.

Он проигнорировал мой намек и продолжил с той же интонацией:

— Я о твоих жизненных планах... Или творческих, если хочешь.

— Творческих?

Я вспомнил то, что мне предстояло в этом месяце — провести групповое занятие по арт-терапии — и коротко рассказал ему об этом.

— Арт-терапия? Это интересно... — Он, казалось, не знал, как подобраться к волнующей его теме. — И где собираешься проводить?

Я назвал имя организации. Он удивленно посмотрел на меня, как будто проверяя, не ошибся ли я. Потом загадочным тоном промолвил:

— Я бы не советовал иметь дело с этими людьми, — и снова закрыл глаза с таким видом, как будто скрывал под веками тайну.

— Это почему же? — спросил я, просто чтобы создать видимость разговора.

— Странные люди туда приходят, — продолжал он, не открывая глаз.

— Что значит — странные? Я хорошо знаю президента и пару-тройку человек, и все они вполне нормальные.

— Они-то может и нормальные, а вот те, кто их посещает...

Блефует, — промелькнуло в голове, — боится высказаться напрямую. Он как будто прочитал мои мысли, открыл глаза, посмотрел выразительно и закатал рукава:

— Смотри! — чуть ниже локтя я заметил пару укусов, превратившихся в синяки.

— Ты хочешь сказать, что пришел туда, а на тебя напросились и покусали?

— Не сразу. Мне понадобился месяц, чтобы это произошло.

— Ну всё, хватит интриговать, рассказывай.

— Я провел вчера ужасную ночь..., — выпалил он так быстро, как будто выплюнул фразу, сидевшую на кончике языка и просившуюся изо рта все это время. — Я встретил женщину, в которую почти влюбился, месяц носил ей цветы с клубникой, играл с её дочерью, как будто она моя, был на седьмом небе от счастья, а вчера понял, что передо мной — совершенно другое... существо....

— Валяй, — обреченно промямлил я, пододвигая стул в нехорошем предчувствии долгой беседы.

— Когда мы остались с ней наедине...я так ждал этого... я походил на влюбленного мальчишку... когда её дочь заснула, и мы начали танцевать.... в самый прекрасный момент... когда я прикоснулся к ней и поцеловал... она вдруг резко изменилась. Ты не можешь себе представить, как.... Все было так здорово... я закрыл глаза на долю секунды, а когда снова посмотрел на неё, вдруг увидел совершенно другое лицо. Я никогда не видел, чтобы лица менялись так сильно... Как в дурном сне: перед тобой стоит ангел, который мгновенно превращается в свою противоположность. И начинает говорить. Это новое лицо, смотревшее на меня так близко... вдруг попросило его ударить... И даже не попросило, а потребовало. И не один раз. Я не поверил своим ушам. Я, конечно, сказал *нет*, когда понял, что от меня хотят и даже попытался отстраниться несмотря на то, что был пьян... не поверишь: я, как будто протрезвел....

Я прыснул от смеха, не в состоянии больше удерживаться.

— Ничего веселого... — мрачно отрезал он. — Мне пришлось это сделать, хотя я очень не хотел, но когда я отказался в очередной раз её ударить, она прыгнула на меня, как дикая кошка, как бешеная гиена, и начала меня кусать, и таки... заставила меня защищаться. И ударить её... как она этого хотела... Я никогда не бил женщину...

Я ещё пытался держаться своей роли насмешника, чтобы немного понизить уровень важности события, казавшегося ему таким значимым:

— Поздравляю с новым опытом: ты встретился с настоящей садомазохисткой, — и ещё раз прыснул, уже нарочно.

— Не всё так просто. Она не просто садомазо, она ещё и прекрасный манипулятор. Не знаю, где она научилась всем своим штучкам, но она добилась от меня всего, что хотела — и души, и тела...

Я ещё пытался улыбаться его манере выражаться по-книжному, но уже чувствовал, что настроение моё падает ниже нуля.

— Она, похоже, владеет какими-то специальными психологическими техниками, — продолжал он, — которые позволяют превратить тебя в подопытного кролика.... И практикует их на других.

— Ты хочешь сказать, что вместо того, чтобы лечиться самой, она лечит других? То есть, занимается чем-то вроде терапии?

— Что-то в этом роде. Хотя, у меня такое ощущение, что она не способна на какую-либо работу. Она даже не знает языка страны, в которой живет. Она одинока и несчастна. И, как я понимаю теперь, больна.

— Думаешь, бывают здоровые психотерапевты?

Он не оценил моей самоиронии.

— Знаешь, мне кажется, я заболел после этой ночи. Серьезно. Как будто что-то постороннее проникло в меня... И даже не проникло, а всплыло. Как будто она разбудила зло, которое дремало во мне с того самого времени, как я ушел из дома, не выдержав жестокости, царившей в моей семье. Я избегал этой жестокости всю свою жизнь, а она сказала, что вычислила меня простым способом: если мой отец был способен поднять руку на мать, то и я способен, понимаешь?...

Теперь он говорил взахлеб, проглатывая слова. И я окончательно понял, что дело приняло серьезный оборот. Мне оставалось только слушать и молчать...

— ... знаешь, мне кажется, я теперь ненавижу людей, — закончил он свой монолог.

Он замолчал, и я тоже, не зная в каком направлении продолжать. Психотерапевт во мне говорил, что его надо срочно лечить, а человек, знавший его столько лет, успокаивал: все обойдется дружеской беседой.

— Да ты не парься, — он снова прочел мои мысли. — Я пришел к тебе не консультироваться. Просто мне нужно побыть среди... нормальных людей.

Мне стало грустно. Непрофессионально грустно. В эту минуту на террасу выбежала моя трехлетняя дочь. Можно сказать — самая нормальная в нашей семье. Она стала между нами и радостно объявила:

— Папа, я не пойду гулять!

— Почему?

— Не хочу без тебя.

— А мама что говорит?

— Она говорит, что ты — негодяй! — как можно громче выкрикнула она.

Я покосился на своего друга. Впервые за время нашей беседы он улыбнулся. И тогда, не спросив разрешения, моя дочь забралась ему на колени и начала играть в свою любимую игру «гули-гули», которая по-нашему называлась щекоткой и состояла в том, что её пальчики бегали взад-вперед по его телу, ожидая ответной реакции, чаще всего — смеха. Я предпочел оставить их вдвоём и поспешил к своей обиженной супруге.

Когда я вернулся, сцена изменилась. Она перебралась к нему на плечи и выбивала на его голове ритм, наподобие барабанного, напевая что-то на своем детском наречии. Он производил произвольные гримасы, когда она ударяла особенно больно, и она, довольная произведенным эффектом, выкрикивала громче свою тарабарскую песенку. Передо мной стоял другой человек — такой, каким я знал его всегда: беззаботным и безбашенным. Болезненные воспоминания отлетали под настойчивыми ударами детских ладошек, и я мысленно поблагодарил свою дочь за удачную терапию и за спасенный выходной.

Прошло немало времени, прежде чем мы вернулись к этому разговору. Это было на моём тренинге. Народу собралось неожиданно много, и я удовлетворенно потирал руки, несмотря на то, что пришлось изрядно повозиться с дополнительными

стульями. Он пришел последним, верный своей привычке опаздывать, бухнулся на единственный свободный стул и в течение трех часов сидел, не двигаясь и напоминая скорее восковую фигуру, чем человека, занимающего саморазвитием. Едва я закончил работать, и объявил время обратной связи, он поднялся и вместо того, чтобы поделиться своими ощущениями — одной из важных составляющих терапии, в которой он обычно охотно принимал участие, — сухо пожал мне руку и сказал:

— Спасибо, было очень интересно, но я ухожу.

Он нагнулся к моему уху и зашептал, игнорируя незыблемое правило любого тренинга: делиться со всеми своим состоянием:

— Я заметил в зале её.

Я не сразу понял, о ком он говорит. Но вдруг передо мной возникло лицо женщины, описать которую я не берусь, потому что в ней не было ничего примечательного и, к тому же, я оставившись на ней взглядом не так часто в течение трёх часов. Вернее, на её глазах — двух серых внимательных существах, следующих по пятам за изменением моей мысли. Когда я столкнулся с этим взглядом в первый раз, они вызвали во мне прилив энтузиазма и желание говорить для них, так внимательно следили они за каждым моим движением. Во второй раз я увидел совершенно другие глаза — полные неприятия, отстраненные, почти враждебные.

— Мне кажется, я знаю, о ком ты говоришь. У неё — серые глаза, похожие на два озера, в которых хочется искупаться в первый раз, и страшно утонуть во второй, и длинные соломенные волосы, сияющие как зимнее солнце. Возле неё сидит маленькая девочка, которую она зачем-то привела с собой.

— Она все время таскает её за собой.

— Бедный ребенок. Как скучно ей, наверное, было всё это время....

— Она хочет объясниться, она мне делала знаки... Но я не в состоянии.

— Может, она хочет извиниться — и нужно ей просто позволить сделать это?

— Может, но я боюсь попасть в новую ловушку. Она слишком хитра. Она всё запланировала тогда.... Она рассчитала всё — и время, и моё состояние. Она могла бы сделать меня настоящим рабом, если бы не потеряла контроль над ситуацией. У неё искалеченная психика, понимаешь?...

— Может, мне удастся с ней поработать? Хочешь?

— Я вообще ничего не хочу. Я хочу лишь поскорее забыть эту страшную ночь и то, что она во мне открыла... И тебе не советую связываться с ней: это человек с двойным дном, и ты, при всём своем опыте, наверняка попадешь в ту же ловушку. Она ведь симпатичная женщина...

Я засмеялся, подумав, что перестал смотреть на женщин с тех пор, как женился. Может, зря.

— Ну, пока, ещё раз поздравляю с успехом, — бросил он и поспешил к выходу.

Я не настаивал. У меня было достаточно пациентов, и заниматься альтруизмом против доброй воли кого бы то ни было, я не хотел и не мог. Я снова забыл об этой истории. Но она, похоже, не забыла обо мне.

В течение моей профессиональной карьеры отношения мои с людьми оставались достаточно стабильными — все они искали либо утешения в моём обществе, либо разрешения своих внутренних проблем. Но в последнее время я стал замечать, что общаюсь намного реже со своими коллегами, чем с пациентами, что, естественно, усиливало ощущение внутреннего одиночества. Оно меня особо не тяготило, так как я никогда не стремился к светской жизни. Но в некоторых ситуациях я бы предпочел быть окруженным единомышленниками, а не пациентами, то есть, равными, а не зависимыми. Возможно, это было связано с моей слишком большой заикленностью на работе, а возможно, с чем-то другим, что не мешало бы прояснить. Я, конечно, пользовался славой хорошего психотерапевта, но никогда не мешает поучиться опыту других.

Семинар, который я выбрал в качестве учебного пособия, назывался «Коммуникативные техники». Звучало простенько, но иногда за простыми и поверхностными с виду вещами кроется глубина, не видимая с первого взгляда. А ещё я пошел на этот семинар, потому что он просто попал в поле моего внимания, а я никогда не занимался поисками того, что находится дальше радиуса протянутой руки. «Все ответы — перед тобой, нужно просто правильно задавать вопросы», — вспомнил я фразу то ли мудрого психолога, то ли древнего мудреца.

В помещение, куда я пришел, уже собрались люди. Их было немного, и я не смог не заметить, что все они — молодые женщины. Во мне проснулось сомнение в правильности моего выбора, и я уже подумывал об отступлении, когда почувствовал на

себе взгляд. Я обернулся на одну из женщин, но ничего особенного не заметил: она сидела возле компьютера и пыталась подключиться к видеопроектору. Прошло около получаса. Я успел поздороваться со всеми и даже переговорить с рядом сидящими, когда организатор наконец объявил о начале. Женщина оторвалась от компьютера, подскочив, как ужаленная, и бросилась к зеркалу, прикрепленному к стене чуть поодаль от центра сцены. Она зачем-то надела поверх своей белоснежной блузы серую кофту, заколола её брошью, нервно поправила волосы неестественно соломенного цвета и вышла на середину комнаты. И тут до меня дошло, что она — и есть психолог, на семинар к которому я пришел «поучиться опыту», а также один из слушателей моего последнего тренинга, а также....

Я честно пытался сконцентрироваться и даже поучаствовать в дебатах, но не мог избавиться от призмы, сквозь которую смотрел на выступающую. Периодами мне казалось, что я единственный, по-настоящему знающий, кто она такая и что она здесь делает. Ну, конечно, ей очень важно провести этот семинар, убеждал я себя, она ведь может таким образом изменить себя и свою собственную жизнь. Ну и пусть меняет, а причем здесь другие «подопытные кролики»? — выплыло из сознания выражение моего друга. А ещё я всё время задавал себе вопрос: а что если я ошибся? Если это три разных человека — психолог, зрительница и ночной кошмар моего друга? Не слишком ли много совпадений для жизни, полной хаоса и непредвиденных случайностей и вовсе непохожей на механизм, в котором различные части сопряжены по принципу детективной истории, интересной для зрителя? И кто в данной ситуации я — зритель или участник? Мне начинало казаться, что моё присутствие в этой комнате и в этой ситуации вообще добавляет ещё одно звено в цепочку событий, существовавших до меня. Когда началась работа в парах, я уже не сомневался, что для меня в этой компании пары не найдется, и я буду вынужден работать с ней. Она села напротив, предложила вариант вопроса, который служил примером удачной коммуникации и был призван не обидеть собеседника. Я добросовестно примерил на себя этот вопрос, тщательно скрывая ощущение абсурда — услышать о корректном поведении из её уст, — по всем правилам гештальта сформулировал ответ, и она явно осталась довольна мной.

Сразу вслед за этим, воспользовавшись наступившей паузой, я задал ей вопрос, не её ли я видел у себя на тренинге вме-

сте с маленькой девочкой. Она ответила *да* и отвесила мне стандартный комплимент. Я перебил её, рискуя показаться невежливым, потому что в этот момент интересовался больше ею, чем своим представлением:

— Вообще-то я надеялся услышать от вас что-то о коуче. Вы ведь практикуете его?

— Да, практикую. Но не на семинарах. Если хотите, мы можем заняться с вами индивидуальной работой, — она улыбнулась: — Оставьте Ваш телефон или имэйл.

Я бы тоже мог заняться с Вами индивидуальной работой, — хотел вставить я, но ничего не сказал, храня врачебную тайну, верность другу и желая, чтобы заповедное *Врачу, исцелись сам* сбылось при моем вмешательстве.

На прощание я всё же оставил свой электронный адрес и уже в дверях обернулся, чтобы ещё раз убедиться: я был единственным мужчиной среди собравшихся. В грудной клетке забилась давно забытая птица приключения.

БОЛЬ

Она была тайной. Её жизнь оставалась загадкой для других, даже когда на перекрестии их восторженных взглядов она оживленно болтала ни о чём или откровенно делилась мельчайшими подробностями своей жизни. Хотя никто так и не узнал, кем были, например, её родители? Кто дал ей образование, позволявшее судить обо всём с такой легкостью? Как она умудрялась существовать, нигде не работая? Если благодаря богатому покровителю, почему её всегда видели одну? Если благодаря наследству, то почему она ездила на неисправном Ситроене, который насчитывал не один год? Как ей удавалось не воздвигать никаких границ между собой и собеседником, который уже через несколько минут общения готов был раскрыть перед ней свои самые сокровенные мысли, но внезапно обнаруживал перед собой пустоту? Она исчезала так же, как и появлялась — без прощаний, внезапно и легко. Как будто её никогда не было в этой комнате, как и в самой жизни. После неё оставался едва уловимый аромат духов — даже не духов, а духа духов, духа всех возможных запахов, который навевал, напевал, нашептывал...

Мы встретились на вечеринке у общей знакомой, которая устраивала частные концерты у себя дома. Я обратил на неё внимание не сразу — когда исполнитель затянул какую-то славянскую песню. В этот момент её лицо как будто обособилось от остальных — и я подумал: какая странная! Только и всего. Чуть позже я отметил, что она симпатична, при следующей встрече она показалась мне красивой. Впоследствии я находил её прекрасной — начиная от лица и оканчивая необычной походкой. Когда она пробиралась между людьми, которыми был переполнен дом Анны, она напоминала грациозную кошку. По улице же она передвигалась, как будто прыжками, точно ребенок с воздушным шариком в руке. И даже её сильный акцент и многочисленные грамматические ошибки при построении фразы, которые меня так смутили при первой встрече, со вре-

менем обрели оттенок обаяния. А может быть, я просто привык к ней, к её способу мышления и его выражения. Или попросту её французский со временем усовершенствовался.

Прошло чуть более года с того времени, как она переехала в Париж. В отличие от других эмигрантов, которые поначалу прятались по своим норам и зубрили язык, она держалась весьма независимо и даже могла показаться нескромной, вступая во все разговоры, чтобы вставить своё, почти всегда неточное, слово. Позже она призналась, что именно так выучила язык — подслушивая чужие беседы, врываясь в них без тени смущения. Странно, но те, кто становился жертвой её вторжений, всегда были рады впустить её в свой круг. Уже через несколько минут они начинали понимать её и даже смеяться тем неожиданным остротам, которые получались, как только она начинала переводить фразеологизмы и устойчивые словосочетания со своего языка на чужой. Новые знакомые оставляли ей свои визитные карточки, к которым, впрочем, она обращалась крайне редко, и всегда радовались новой встрече с ней. Так же, как обрадовался и я, найдя её через некоторое время в той же квартире. Она подошла ко мне, как к старому знакомому и поцеловала по-французски, приложившись щекой к щеке. В день знакомства она ограничилась рукопожатием, и я отметил про себя тогда: наверное, она умеет держать дистанцию, когда этого хочет. Позже я узнал, что у русских и славян вообще принято целовать только очень хорошо знакомого человека. С остальными они ограничиваются кивком или рукопожатием, а дамам иногда целуют руки — обычай, почти исчезнувший в современной Франции. От неё же я узнал ещё об одном обычае: не оставлять пустые бутылки на столе, что могло привести к безденежью. Впрочем, это был скорее обычай украинский. Она родилась в Киеве, всю жизнь говорила на русском, но называла себя полькой, хотя так и не выучила язык своих предков.

В то время я возглавлял одно небольшое издательство и около полугода носился с идеей создания русско-французского сборника и его презентации, звучащей на двух языках. Вопрос упирался в поиски русскоязычного чтеца. Не то, чтобы его не существовало во Франции. Не иметь возможности найти — ещё не значит искать. Ты можешь старательно искать что-либо, устраивать многочисленные кастинги, но так и не вы-

брать нужного тебе человека. А можешь пойти другим путем: не искать вовсе, а положиться на случай и ждать. Так я и сделал. Квартира, где происходили все музыкальные посиделки, принадлежала женщине, отлично владеющей русским. В её доме собирались как французы, так и русские. Среди них я и надеялся найти то, что мне нужно. И нашёл.

При первом же знакомстве я узнал, что она обожает поэзию и даже пробует писать сама, а перед тем, как эмигрировать, работала некоторое время актрисой в поэтическом театре. Моему ликованию не было предела. Она воплотила в себе всё, что требовалось — поэзию, театр и русский язык. К тому же, была симпатичной, что для публичных выступлений немаловажно. Кому-то из нас повезло, — сказала она с очаровательной улыбкой, скосив глаза в мою сторону. Я неожиданно покраснел. Это было странно, я вообще-то редко краснею. Занимаясь рекламой, я привык сталкиваться со всем и всеми на свете — от безвкусицы, кричащей о себе во весь голос, до цинизма, с которым её принимают, при условии, конечно, денежной компенсации. Я привык к бездарностям, настаивающим на своей значимости, и посредственностям, смирившимся со своей второстепенной ролью, карьеристам, упорно добивающимся успеха, и непризнанным гениям, которым никогда не суждено стать центром обожания. Каждый день я сталкивался с характером, непохожим на другой, так же, как листья на осеннем дереве: кто-то срывался раньше, кто-то позже — всех ждал один конец. Я привык сравнивать и делать выводы, я любил угадывать тип (в это время я увлекался соционикой и даже социософией), к которому принадлежал тот или иной посетитель. Но её я не мог сравнить ни с кем. Она казалась особенной и несравненной. Такой, какой, наверное, видит свою женщину любовью влюбленный мужчина. Но я-то не был влюблен! Меня влекло лишь любопытство, и оно стоило мне немалых денег. Я заплатил ей столько, сколько не платил ни одному исполнителю. Правда, она была не только исполнителем. Она участвовала во всех наших поисках и помогала, чем могла, поначалу совсем бескорыстно, и взять деньги согласилась не сразу.

Поначалу, чтобы познакомить её нашим проектом, мы с моим другом пригласили её на ужин в его дом. Она, конечно, не ожидала домашнего приема и первое время чувствовала себя весьма стесненной, тем более, что хозяин дома, как будто не

обращая на неё никакого внимания, увлеченно говорил о последних изданиях, о которых она, конечно, не имела никакого представления, а уровень знания языка не позволял ей стать полноценной участницей интеллектуальных бесед. К ужину она совершенно сникла, так что её присутствие перестало ощущаться. За столом она произнесла пару незначащих фраз, чтобы хоть чем-то себя занять — она почти ничего не ела, сославшись на то, что не рассчитывала ужинать. Когда же мой друг принес несколько старых изданий с переводами русской поэзии, она заметно оживилась, её глаза заблестели, и она с какой-то подчеркнутой жадностью стала листать страницы и в течение всего вечера уже не отрывалась от них.

Тогда я и почувствовал то, что называется в людях настоящим. Оно проступает не так часто — в те моменты, когда с человека спадает шелуха прожитого дня и обнажается нечто более глубокое. Многие тщательно скрывают его и даже боятся тех, кто ненароком прикасается к их сокровенному я. Она, похоже, не скрывала ничего: прочитанные строки с такой быстротой меняли её мимику, что казалось, будто я смотрел фильм, идущий на экране лица. А ещё мне почудилось, что просмотрев этот фильм, я наконец уловил её сущность. В этот вечер мы не расходились до полуночи, слушая музыкантов и обсуждая, какое произведение подойдет к каждому из стихов. Потом она вдруг заторопилась — оказалось, что её никто не встречает сегодня, а ей нужно было добираться до Пюто — ближайшего пригорода Парижа. Она заторопилась — и вечер как-то сразу закончился. Во всяком случае, для меня.

Но вскоре мне посчастливилось снова — и я увидел ещё несколько выразительных эпизодов на её лице. И на этот раз я интерпретировал их иначе. Но целиком я просмотрел этот фильм, только увидев её на сцене, в нашем проекте, осуществившемся к лету. Я понял её всю и мгновенно. Настолько, что тут же потерял. Все смыслы и объяснения куда-то исчезли — и осталось только одно смутное и расплывчатое слово, которое ничего не объясняло: ТАЙНА. Она была тайной — только и всего. Тайной, похожей на прекрасную фею из детской сказки «Феи волшебной поляны», которую я читал своим детям. Она возвышалась на сцене, которую мы выстроили под сводами старого замка, недалеко от Парижа, и, почти невесомая, устремив глаза в невидимое для других далеко, читала по памяти

стихи. Помню, меня охватило ощущение, как будто это не она декламирует стихи, а их стройный хор звучит в её голосе. Она же — воплощение этого голоса и воплощение поэзии вообще, звучащая боль и радость одновременно. На ней были полупрозрачные одежды, по-видимому, придуманные нечеловеческим воображением, настолько их формы и линии были необъяснимы с точки зрения покроя и материала. Проекторы пронзали их насквозь — но под ними не обнаруживалось фигуры. Казалось, она сама была прозрачна и бесплотна...

И в эту минуту меня вдруг коснулось что-то постороннее и тяжелое — я почему-то подумал про её мужа. Каково ему с ней? И женщина ли она вообще? Из мира ли людей? Если она даже богиня, спустившаяся на эту землю, чтобы осветить её, то, как известно, богини любили смертных. Я оглянулся на зрителей и попытался угадать того, кто мог обладать этой женщиной. Я стал искать его всё настойчивей, уже не обращая внимания ни на то, что она произносила, ни на неё саму. В самый неожиданный момент, среди спектакля, по отношению к женщине, которую я едва знал, мной вдруг овладело чувство, похожее на ревность, которую я всегда считал чувством убогих и никогда не мог заподозрить в себе самом! Я был ошеломлен своим открытием. Почти подавлен. Наверное, я был единственным, кто не произнес ни единого комплимента после её выступления.

Её окружили плотной толпой. В её глазах светились потерянности и счастье. Как-никак, это был её первый выход на большую сцену в чужой стране. Она сияла в лучах прожекторов и камер, и сама излучала свет. Только это был совсем иной свет. Так что мне внезапно показалось: вот оно — её настоящее предназначение. В этот момент, как будто почувствовав прикосновение моей мысли, её взгляд коснулся меня, но тут же переметнулся на других. Потом снова вернулся ко мне, ещё и ещё — всё настойчивей. Она, казалось, чего-то ждала от меня. Ведь это я втянул её в проект и в какой-то мере нес ответственность за происходящее. Я молчал, стоя в стороне, не сделав ни одного шага навстречу. Молчал глупо, надувшись побычьи. На банкете я, наконец, подошел к ней, выбрав момент, когда она осталась одна. Приблизившись, я заметил, что она немного потускнела. Как будто именно сцена придавала ей особенный блеск, а, сойдя с подмостков, она потеряла часть

своего божественного статуса. Я остановился перед ней, не произнося ни слова. Она выжидающе посмотрела на меня, но не решилась ни о чем спросить. Только сейчас я заметил, как она устала. Морщина между бровями, прямо на уровне третьего глаза, ещё более углубилась и напоминала борозду, поглотившую жизненные силы.

На неё обратили внимание. Она получила одну за другой несколько ролей в фильмах — и погрузилась во вдохновенную работу. На какое-то время я потерял её из виду. Хотя, к удивлению моему находил её лицо то в одном, то в другом журнале, в сопровождении одобрительной, но довольно поверхностной кинокритики. Я отметил, что её лица на фотографиях всегда были разными, как и на экране. С каждой новой ролью она кардинально менялась, так что однажды я просто не узнал её. Фильм назывался «Белое на черном» — черно-белое кино, какое любят производить на свет режиссеры, сбежавшие от изысканности поп-артовских и анимационных красок. Фильм оказался длинным, около двух с половиной часов. На середине меня постепенно стало достигать зыбкое чувство узнавания. И только когда картина обрела краски и героиня — белая на чёрном на протяжении всей картины — вдруг оказалась окруженной морем полевых цветов, а её собственное лицо, наконец, обрело натуральный цвет и губы начали пылать, как маки, я захлопал в ладоши, и зал воззрился на меня, как на полного идиота, а кто-то даже вежливо прошипел, чтобы я заткнулся. Но я не собирался шуметь — я просто узнал её! К концу фильма! Вот так підманула-підвела (слова одной украинской песни, припеву которой она меня научила).

Казалось, она могла быть всем, меняться, как хамелеон или человек, проживающий несколько жизней в одной. Единственное, что оставалось неизменным во всех её ролях, черта, по которой угадывалась она под масками многочисленных персонажей — это их полное несовпадение и даже выпадение из жизни земной. Иногда они казались вышедшими из прошлых веков, иногда — посланцами из других планет. Вскоре я убедился, что она создает это впечатление сознательно: проповедуя с экранов нездешнее, как проповедают священные тексты — настойчиво, но не навязчиво. Мне даже подумалось, что режиссеры, с которыми она работала, были её братьями по

какому-то инопланетному духу — настолько нечеловеческими (в лучшем смысле этого слова) были их фильмы, такие непохожие на современный кинематограф. Когда мы встретились через несколько лет «на том же месте в тот же час», как поётся в одной русской песне, то есть, у той же Анн и я заговорил о своём открытии, она утвердительно кивнула. Её жест был настолько однозначно прост, будто речь шла о выборе любимого блюда.

Она не изменилась: то же обаяние, та же непринужденность. Вещи, которые она носила теперь, возможно и стоили дороже, но соответствовали её прежним пристрастиям. Она по-прежнему была похожа скорее на девушку, чем на женщину, хотя, к этому времени ей было уже за сорок. Она тут же узнала меня и подошла первой, чему я несказанно обрадовался. Приблизилась вплотную и вместо традиционных французских поцелуев мимо щек, взяла за обе руки. *Как я рада, как я рада*, — повторяла она, не отводя взгляда. Тут я и заметил, что её глаза, издали не привлекавшие к себе внимания, вблизи обретали совершенно другие очертания. Правильней было бы сказать, что очертания исчезали — и глаза превращались в два сияющих источника, в которые ты погружался, как в другие измерения.

С этого вечера мы стали видеться чаще. Оказалось, что она не так уж занята и востребована как актриса, несмотря на отзывы в прессе, и не прочь заняться чем-либо ещё. Я спросил у неё, почему после столь удачного дебюта она хочет уйти в тень, а не продолжать карьеру актрисы. Она ответила то ли в шутку, то ли всерьез, что начала писать роман, и это требует от неё некоторого уединения. Я снова, как и в начале знакомства, отметил её удивительные возможности: заниматься всем, что пожелает. Только вот самого желания в ней как будто не доставало. Как будто она была начисто лишена всех, присущих человечеству амбиций. Я бы скорее мог представить её цирковой наездницей, чем произносящей слово *карьера*.

Через несколько дней я позвонил ей и предложил работу в одном из журналов при моем издательстве. К этому времени её французский был доведен до совершенства, хотя от неё требовалась не редактура, а распределение уже отобранных материалов. Честно говоря, должность я придумал специально для неё, в расчете на её безошибочный вкус, отмеченный мной ещё в первом совместном проекте. Поначалу я даже платил ей из собственного кармана, но вскоре стал замечать,

что с её появлением, наши издания стали распространяться успешней. Наверное, это являлось ещё одним из её свойств — приносить удачу.

Работа отнимала у неё несколько часов в день, а явка была необязательной. Остальное время она, наверное, посвящала семье или своему роману. Я не спрашивал её ничего о муже — мне достаточно было увидеть его раз, в день её первого выступления, чтобы понять: замуж она вышла по любви. Возможно, именно поэтому я прекратил с ней тогда всякое общение. Теперь, когда оно обрело совершенно иные формы, я мог не опасаться, что буду захвачен врасплох накатившей волной неожиданных чувств. Я чувствовал себя зрелым и вполне рассудочным человеком, имеющим прочную семью и делающим успешную карьеру, не лишенную творческого начала.

Однако я ошибся. С её появлением моя жизнь начала постепенно меняться. Не то, чтобы я кардинально изменил свои привычки. Я по-прежнему вставал в семь, читал Ле Монд, в восемь тридцать уезжал на работу и возвращался домой в восемь к семейному ужину, встречая бледную улыбку жены, слабеющей с каждым годом. Недавно у неё обнаружили рак. Мы делали всё, что возможно — и врачи обещали выздоровление, но её вид говорил о другом. Я с тревогой наблюдал за тем, как она теряет веру в счастливый исход. И, всё-таки, не переставал надеяться на лучшее. Итак, я по-прежнему считал себя достойным мужем и отцом, что в наши дни встречается не часто. Однако, с некоторых пор я стал замечать за собой нечто, что заставляло меня задуматься. Я стал пристальней следить за своим внешним видом, даже купил себе пару новеньких костюмов, чего не позволял себе давно, и являлся на работу, не в меру освеженный туалетной водой, которую выбрал в фешенебельном магазине Бон Марше с помощью услужливой продавщицы. Для деловых свиданий или романтических? — спросила она, лукаво подмигнув. Для романтических, — ответил я, наверное, второй раз за последние годы заливаясь краской. Она отвела меня к полке, где красовались флаконы и флакончики разной величины, на описание которых Гюисманс мог бы потратить целые страницы. Нужно отдать мне должное: я ограничился пятью минутами, понюхал один, второй, третий. Между респектабельным Хьюго Босс и изысканным Живанши выбрал Джанфранко Фэрре, который

вызвал у меня неожиданный приступ желания. Продавщица одобрила мой выбор с видом знатока и заговорщика и томно поблагодарила за покупку.

Как назло, она не появлялась в течение нескольких дней, и я начал беспокоиться. Я уже хотел было с ней связаться, но, наконец, получил от неё материалы — она продолжала работать, значит всё было в порядке. В офисе она появилась только через неделю, немного похудевшая и почему-то грустная. Но, едва вступив в разговор с одним из наших сотрудников, который сделал ей довольно пошлый комплимент, она тут же оживилась, и даже просияла, хотя меня бы на её месте стошнило. Я вообще часто замечал за ней это странное качество: преображаться в присутствии кого-то. Как будто в её собственном мире не хватало красок. Она часто приходила бледная и невыразительная, а уходила радостная и сияющая.

Однажды я поймал себя на мысли, что я ревную её ко всем, с кем она разговаривает и в ком находит источник преобразования, и хочу всех их заменить собой, хотя не прилагаю для этого никаких усилий. А ещё мне казалось несправедливым, что она не отдает предпочтения никому в частности, даже мне, и со всеми разговаривает любезно и даже ласково. Её ласковый тон с другими особенно раздражал меня. Зато когда она говорила со мной, я всегда испытывал такое чувство, будто своим голосом она нежно поглаживает меня. В такие минуты я чувствовал себя довольным котом на коленях у своей хозяйки. Хотя, здесь я несколько преувеличил — хозяином издательства оставался я, а она была всего лишь моей сотрудницей и для неё существовали те же правила, что и для остальных. И если я просил прийти её в десять утра, а она приходила в десять тридцать, причем систематически, я просто обязан был однажды сорваться и высказать ей всё, что я думаю по этому поводу, после чего она совсем пропала и общалась со мной только через интернет. Я, конечно, пожалел о своей несдержанности. В конце концов, тридцать минут ничего не решали, тем более, что она часто оставалась на работе дольше, чем другие. Я извинился, как только она появилась в офисе. Она подняла на меня глаза, которые поначалу старательно отводила в сторону. Несколько секунд в ней боролось желание промолчать и высказаться. По-видимому, мой вид, наконец, внушил ей некоторое доверие — и она заговорила:

— Ты был совершенно прав. Это я неправильно отреагировала.

Я не понял. Она вообще не произнесла ни единого слова — о какой реакции шла речь?

— Моя болезнь была неоправданной.

— Прости? — снова переспросил я.

— Я иногда заболеваю от отрицательно направленной энергии.

Я уставился на неё, как баран на новые ворота. Она попыталась объяснить.

— Когда я чувствую, что меня не любят, мне всегда становится не по себе. Как будто я — лишняя на этом свете. А если я позволяю себе расстраиваться по этому или любому другому поводу, я становлюсь совсем больной. В общем, — подытожила она, — у меня плохой иммунитет на людей.

Я был поражен. Я ожидал услышать всё, что угодно — оправдания, упреки, фальшивое «не важно», которые французы во избежание неприятностей повторяют на каждом шагу... Но то, что она сказала мне, было так неожиданно, что единственной фразой, пришедшей мне на ум, была:

— Но я-то тебя люблю!

— Спасибо, — она просияла, став похожей на ребенка, которому дарят незаслуженный подарок, и он принимает его как должное. Она даже не поняла, что я признался ей в любви! Честно говоря, я и сам не сразу это понял. А когда понял, совершенно растерялся — настолько то, что сорвалось с моего языка, была правдой.

Но к чему вспоминать всё это, по прошествии стольких лет, если её больше нет. Я узнал об этом мгновенно. В тот момент, когда её сердце перестало биться, моё бешено заколотилось. Поначалу, это не удивило: в моем возрасте люди выходят на пенсию, а я продолжал работать, как сорокалетний мальчик. Но в этот день сердце схватило без всякой видимой причины: я устроил себе выходной и к вечеру чувствовал себя ещё вполне бодрым и работоспособным... В какой-то момент, продумывая очередную статью для нового номера, я резко поднялся, чтобы подойти к компьютеру и внести кое-какие правки... Я чуть было не упал, такой сильной была пронзившая меня боль.

Наглотившись лекарств и едва придя в себя, я тут же ринулся к телефону. Возможно, мне просто хотелось услышать чей-то живой голос, подтверждавший, что я всё ещё среди живых. А поскольку в такой ситуации я мог позвонить только ей, я, не задумываясь, набрал её номер. Я не разговаривал с ней больше месяца. В последнее время она вообще была не особенно разговорчива, да и виделись мы всё реже. Она ссыалась на нездоровье, и я не настаивал на встрече. Позже я не мог простить себе этого равнодушия. Ведь я любил её всем сердцем. Почему же я не остановил или хотя бы не оттянул приближение этого страшного дня? Мы провели рядом столько лет... Мы не уставали друг от друга никогда... Если со мной что-либо случалось, первым человеком, которому я звонил, была она, даже при жизни моей жены. И сегодня был мой черед звонить...

Она не поднимала трубку. Почувствовав необратимое, я вызвал такси и помчался к ней. Мне никто не открыл. Я звонил ещё и ещё. Молчание. Было девять вечера, она не могла лечь так рано. Может, просто вышла на прогулку? Но последнее время она выходила не чаще, чем пару раз в неделю — сделать необходимые покупки. Кто их делал, когда она болела? Почему я не подумал об этом сразу? Я принялся бешено колотить в дверь. На мой стук открылись соседние двери. Оказалось, что последнюю неделю никто из соседей не видел её выходящей. Она могла куда-либо уехать — предположили они. Куда? Один я знал, что у неё не было никого на свете. Никого, кроме меня. *Если ты исчезнешь*, — любила повторять она, опустив голову мне на плечо, — *мне незачем будет оставаться на этой земле*. И вот я исчез. Я не звонил ей около недели и не видел её около месяца. Я с головой нырнул в новый проект и забыл о времени. И конечно забыл о ней, пребывающей в одиночестве все эти дни. Я позвонил пожарникам. Странная система во Франции, смеялась она часто: вы звоните не на скорую помощь, а пожарникам, даже если человек умирает от болезни, а не горит синим пламенем... Пожарники, как всегда, не торопились. Около часа я просидел на лестничной клетке перед её дверью, бессмысленно разговаривая с её автоответчиком. Я говорил ей всё, что не сумел сказать на протяжении нашей долгой близости. Я говорил ей самые нежные слова — ей, старой женщине, оставшейся в моих глазах той сорокалетней красавицей, которую я встретил много лет назад и принял за молодую двадцатипятилетнюю девушку.

Когда они, наконец, приехали и взломали дверь, нас встретила тишина, которая обрушилась сильнее самого яркого грохота. Я сделал ещё несколько шагов и увидел её. Вернее, её тело. Оно лежало на постели так тихо и покорно, как будто было довольно тем, что избавилось от тягот и обязанностей жизни и может себе позволить не делать никаких усилий — не подниматься, не двигаться навстречу, не произносить слов приветствия. На её лице не было ни тени страдания. Напротив, оно излучало неземную радость, праздник избавления от жизни, как от чего-то лишнего и было почти торжественно. Возможно, это ощущение создавала её одежда. На ней было длинное платье бирюзового цвета, отливающее перламутром, похожее скорее на сари — как будто её душа покидала этот мир согласно индийскому обряду. Удивительный аромат, наполнивший комнату, внушал эту мысль. Она часто зажигала ароматические палочки. Её любимыми запахами были пачули и сандал. Я принял себя — как будто аромат мог подсказать мне её последние мысли и желания, которые ещё витали в воздухе. Смерть наступила три часа назад, — констатировал врач. Я разрыдался, услышав это — ведь я мог быть с ней в последние минуты жизни. Я должен был быть с ней. Я хотел быть с ней. Я хотел быть с ней всю жизнь — с той самой минуты, как встретил её. С той самой минуты, как посмотрел на неё. Когда умерла моя жена, первое, что я сделал на следующий день похорон — помчался к ней. Встреча закончилась неожиданно — я попросил у неё руки. Это было неправильно, кощунственно, даже преступно, но это было честно. Она улыбнулась в ответ на мои слова — и ласковые морщинки пятидесятилетней девочки засияли на её лице. Но мы ведь уже старенькие, — возразила она. Ну и что? — с юношеским пылом ответил я. Я был на шесть лет моложе и ещё полон желания и страсти. А она всегда выглядела так молодо, что первые десять лет знакомства мне всё время казалось, что она младше меня. Мы провели эту ночь вместе. Она даже забылась на несколько часов на моём плече. Я знал, что она любила засыпать отдельно и всю свою жизнь спала со своим бывшим мужем в разных комнатах. На моё предложение уйти в другую комнату, она только прижалась ко мне и, уже закрывая глаза, повторяла: *Пир во время чумы*. Через несколько месяцев мне попала на глаза эта книга Маркеса. Трогательная история о семидесятилетних ново-

брачных, которые провели порознь всю жизнь, а под конец обвенчались и отправились в свадебное путешествие. После прочтения я сделал ещё одну попытку сделать ей предложение. Она только грустно покачала головой. Я даже не спросил, почему. Я больше не настаивал.

Прочитав её дневник, я понял ВСЁ. Я нашел его на столе около постели вместе с запиской, адресованной мне:

Мой единственный, я ухожу. Мне очень жаль, что тебя нет рядом, как раньше, как совсем недавно. Но таков закон: человек приходит и уходит один. Я была счастлива с тобой, как никогда и ни с кем. Я благодарна за твоё появление в моей жизни, которая продлилась только благодаря тебе. Если захочешь встретиться со мной, дай знать. Я тебя приму.

Вот моя последняя просьба: опубликуй этот дневник. Мне очень важно, чтобы его прочли люди. Распространи его среди больных — например, в госпиталях. Можешь редактировать на своё усмотрение. Я тебе доверяюсь во всём, как доверялась раньше.

Я ухожу по собственной воле, со спокойным сердцем и ясным умом. Я прожила эту жизнь, как могла и оставила после себя то, что понадобится другим.

После всех необходимых формальностей, я удалился. Во мне больше не нуждались. Ни прибывшие, ни ушедшая. Я незаметно засунул тетрадь, лежащую возле записки, во внутренний карман пальто и отправился к себе. Дом показался чужим и неприветливым. Я рухнул на постель, не раздеваясь, и принялся читать беспорядочно, перескакивая с одной страницы на другую.

Она толкала к размышлениям. Делая неподвижным тело, она будоражила мысль единственным вопросом ПОЧЕМУ. Почему ни одного дня ей не удавалось прожить без боли — с самого детства, с самого рождения? Почему неусидчивый дух, жаждущий движения и реализации, был заточен в рамки ущербного тела? Не то чтобы это тело было некрасивым — напротив: в него влюблялись, его желали, не думая о том, сколько недосмотров хранит его память. Да, да, тело обладало своей особенной памятью: памятью о боли, которую оно старательно

хранило и воспроизводило тут же, едва мысль о болезни или её отсутствии прокрадывалась в душу. Запрети себе думать о болезни, — в который раз повторяла она фразу своего психотерапевта. На время ей это удавалось. Но после, коварная мысль, едва касаясь её мозга, давала сигналы к воспроизведению пережитого: операций, травм...

Я пролистал страницу с перечислением болезней... Список диагнозов, полученных ею ещё в юности, мог бы занять целую страницу. Совершенно непонятно, как такое количество недугов могло уместиться в одном теле весом 55 килограмм и не разрушить его, а наоборот, придать шарм слабости, которая всем встречным и посторонним внушала желание помогать и оберегать. И правильно: никто из нормальных здоровых или относительно здоровых людей не выдержал бы этого пристального копания в кишках — иначе я не мог назвать то, что видел перед своими глазами. Вслед за ним следовала нелепая попытка, которую она сделала, выписав в столбик часть из своих болезней, напротив которых были выстроены положительные аффирмации, якобы помогающие их излечить — в этот период она увлекалась методом Луизы Хэй и её книгой «Исцели свою жизнь, своё тело».

Я пролистал ещё пару страниц — и меня начало подташнивать.

... Да и какое удовольствие может доставить перечисление недостатков? А болезни она считала своим главным недостатком, чуть ли не личным врагом. И напрасно: если бы она прислушалась к голосу хотя бы одной из них, та могла бы поведать множество интересных вещей: и об ушедших глубоко в подсознание страхах, и о несовершенных желаниях, затвердевших в теле в комочки боли, и о нереализованных мечтах, и даже о прошлых воплощениях. В реинкарнацию она верила свято и непоколебимо: иначе, как объяснить все те несправедливости, которые происходили с её физическим телом, мешая развиваться и реализовывать себя в обществе полноценно? Кто знает, может, в одной из прошлых жизней она была инквизитором, пытающим людей, или просто жестоким полководцем, посылающим на смерть тысячи? Вот они и откликаются в ней — души умерших, и взывают к мщению, и делают её тело ареной борьбы между добром и злом...

Как бы там ни было, маленький злой человечек, живущий в ней, продолжал своё гнусное дело: каждый день он выходил на охоту, убивая одну за другой живую клеточку. Он испытывал особое наслаждение, когда очередная жертва, вскрикивая, падала, а после медленно угасала...

По-видимому, она хотела поначалу написать художественное произведение, поэтому не сразу стала вести речь от первого лица. Не хватило то ли таланта, то ли терпения. На следующих страницах я нашел дальнейший план книги. Маленький гнусный человечек путешествовал в её теле, заставляя стонать от боли то один, то другой орган. Перед тем, как приступить к пыткам, он любил разговаривать со своей жертвой. Он задавал ей множество вопросов, то есть производил некий допрос. Среди его вопросов самым частым был:

— *Что ты чувствуешь, когда говоришь об этом ощущении?*

Оказывается, тело думало и даже говорило о вещах, которые провоцировали боль. А маленький гнусный человечек из Великого Инквизитора превращался в примитивную лампочку-индикатор, который в ответ на неполадки загорался криком: остановись, останови свои мысли, они мешают тебе жить и наслаждаться жизнью!

Однажды я решила поговорить с моим мучителем. В этот день он, как обычно, отправился на поиски жертвы. Утро не предвещало податливой добычи: я проснулась свежей и здоровой, вспомнив своего коллегу, который любил повторять: если вы проснулись и у вас ничего не болит, значит, вы умерли. Чтобы убедиться в обратном, я поспешила открыть глаза и встать. С такой же поспешностью я приготовила себе чай и села продумывать рабочий день. Невыносимая боль в верхнем отделе позвоночника прервала мои планы. Я была вынуждена пролежать добрых полчаса, в течение которых я ненавидела себя с возрастающим энтузиазмом: за окном стояло солнце — и мне хотелось сегодня как никогда быть бодрой и активной. Понимая, что боль просто так не пройдет, я решила поговорить с ней. Я посадила её напротив, как учила гештальт-терапия, и долго смотрела на пустой стул, как будто он мог заговорить первым. Не дождавшись ни слова, я задала первый вопрос:

— Кто ты?

— Я — твоя боль, — услышала я свой собственный голос.

Он, как всегда принадлежал маленькому гнусному человечку. Я почему-то представляла его карликом. В детстве я боялась карликов. Мне казалось, что они не доросли до чего-то самого главного — широты души, например, что они воплощают в себе ущербность и нехватку — тела, тепла, темперамента... Ах, эта детская жестокость...

— Чего ты хочешь от меня? — задала я классический вопрос гештальттерапии.

— Я хочу любви, — неожиданно услышала я свой голос.

Я так удивилась, что не знала, как продолжать свой вопрос. Все те недостатки, которые приписывало человечку моё воображение, вдруг стали моими, позволив разглядеть черствое, высохшее существо, которое не способно дать любовь никому в этом мире. Мои чувства усыхали, моё сердце вместе с ними, с каждым днем становясь всё меньше и меньше, так что его удары о собственные стенки казались всё более разрушительным. Оно начало стучать где-то в спине, потом локализовалось в позвоночнике и вдруг я чётко осознала, что боль в спине — это её производная. Тогда я обратилась непосредственно к ней:

— Что ты хочешь от меня прямо сейчас?

— Я хочу быть услышанным тобой.

— Что я должна услышать?

— Того, кто стучится к тебе.

Я задавала вопросы и получала ответы с такой скоростью, что не успевала осознавать их и фиксировать на бумаге. По-видимому, в какой-то момент я отвлеклась и окончательно потеряла нить разговора. Маленькое существо исчезло и больше не появлялось. Боль прошла вместе с ним.

Когда я читал подобные пассажи, мне казалось, что писавшая их находится на грани помешательства:

*Боль не исчезает, настаивает в непогоду —
когда ветер стонет, когда плачет небо,
когда глаза — голубое отчаяние и черные сны,
когда твои руки готовят костры
из рецептов и лекарств, накопленных жизнью...*

Чем дальше я читал, тем больше убеждался в её невменяемости: весь дневник, который она стала вести со времени переезда во Францию (возможно до этого она накопила множество таких же дневников, но мне предназначался только этот) все триста шестьдесят пять страниц мелкого почерка были посвящены одному: телу. Такое ощущение, что вся её жизнь замкнулась на нём, а внешний мир — друзья, творчество и работа — просто не существовали. Не существовал и я в этой вселенной ежедневных страданий. Поначалу я с жадностью набросился на дневник, надеясь найти там следы наших встреч — напрасно. Я обижался, отчаивался, раздражался, плакал и ненавидел пока не понял внезапно, что боль настолько поглощала всё её существо, что не оставляла места для другого — того, чем живут все нормальные люди: увлечениями и страстями, встречами и расставаниями, потерями и приобретениями. Возможно, поэтому она и не походила на всех остальных, а казалась скорее «вещью в себе» — потому что вела свой, совершенно особый способ жизни, сконцентрированный на физических ощущениях, которые, как ей казалось, предлагали вопросы, толкающие к поиску ответов.

— Кто ты? И что ты хочешь от меня? Хочешь ли того же, чего хочу я или ты посылаешь мне свои послания, которые я не в состоянии прочесть? Почему, когда события в моей жизни сгущаются настолько, что я не успеваю их осмыслить, я не останавливаю себя тут же вопросом: я ли это — жаждущая развлечения, отвлеченный от себя самой или кто-то другой, кого я не знаю? Не пора ли остановиться и осмыслить всё, что предложила тебе жизнь, всё, чем ты становишься, следуя её причудливыми путями?

— Пора, — отвечает жизнь, не дождавшись, и со всего размаху ударяет тебя, вернее, твоё колено о железный бордюр сидений, под предлогом того, что водитель не хочет наехать на велосипедиста, вырুলившего откуда-то не оттуда. Велосипедист, конечно, только пример, за которым следуют другие, сменяющие друг друга.

НИ ДНЯ БЕЗ БОЛИ — этот перифраз античной фразы может стать паролем моей жизни. А всё для чего? Для того чтобы приковать меня к тетради, компьютеру, к самой себе. Сиди (в худшем случае — лежи) — и размышляй. А главное, не

подавай виду, что произошло нечто непоправимое. Обычная вещь — временная поломка. А если всё же ты не удержишься, если закричишь или заплачешь от ежедневных капелек боли, которые точат твоё терпение, тогда пиши пропало. Тогда ты проиграла. А выиграл он. Только кто он — тот, кто испытывает твоё терпение? Чего в нем больше — света или темноты? Под именем какого ангела является он? Ангела хранителя, направляющего тебя на путь истины или ангела света, которому мало собственного света и он питается светом других, светом, который они теряют, откликаясь раздражением или нетерпением на превратности жизни, посланные им для испытания?

Однажды, в забыты, показавшемся сном, я увидела себя бесконечным полем, на котором борются две армии. Я не видела их лиц, но знала, что у каждой стороны было всего одно лицо — добра или зла. Но я никак не могла отличить одно от другого — и моё тело оставалось всего лишь телом, пока душа бродила в переулках подсознания.

Иногда её рассудок мутился настолько, что она воображала себя инопланетянкой, земная оболочка которой страдает, потому что она попала в непривычные условия жизни. К этой мысли, правда, её подталкивали многочисленные реплики знакомых. Странно, но когда люди видят человека, отличного от них, да ещё и не замороженного материальными вопросами жизни, они почему-то называют его инопланетянином. Как будто нет других сравнений. Почему не фея, не дельфин, не бабочка? Почему это затасканное двадцатым веком сравнение? Не удивительно, что после таких сравнений вопрос *Кто я* неоднократно попадался на страницах её дневника. И всегда безответно. Она не обладала способностью слышать голоса, как например, Жанна д'Арк — не знаю, почему именно этот образ послужил для неё очередным примером — и это её огорчало.

Она вообще любила сравнивать себя и свою судьбу с другими. Собственная жизнь представлялась ей недостаточно ценной, и она не уставала смотреть на чужую, как будто та могла стать для неё в определенном смысле стимулом. Иногда я наткался на имена великих женщин — в ту пору было модно издавать книги наподобие «Сто великих женщин» или «Сто великих авантюристов» — иногда на имена мужчин. Особенно

я смеялся, когда она с искренним восхищением описывала подвиги Шварцнегера — киноактера-супермена, который преодолевал холод, голод, пытки, побои — и всегда выходил красивым и сильным, с хорошо выбритыми подмышками, даже если он играл роль горного жителя, который не знает, что такое бритва. Она задавалась вопросом, смогла бы она, будучи актрисой, выдерживать перепады температуры или лежать на берегу холодного моря в ноябре, играя потерпевшую крушение, как, например, актриса Н и не расплатиться за это воспалением легких или бронхитом, которыми она регулярно болела в юности? Каким-то инфантилизмом, детским чтивом повеяло на меня от имени Зои Космодемьянской — советской пионерки, мужественно выдержавшей пытки фашистов и не выдавшей никого. Имена мелькали, занимая целые фразы и даже страницы, которые всегда оканчивались рассуждением о несовершенстве собственного тела. Причитала она непрерывно:

...Обычно душа оставляет тело, унося за собой жизнь, а у меня наоборот: тело не дает спокойно жить душе, сконцентрироваться на чем-то главном, позволить вдохновению струиться без преград, принимать вибрации космоса, так щедрому для тех, кто открыт. Но ежедневная боль закрывает его поток. Я думаю о ней, погружаюсь в неё, не в состоянии оставаться ни резервуаром интересных идей, ни тем более их осуществить. Кем бы я была, если бы не тело — этот вопрос я задавала себе тысячи раз. Кинозвездой? Эстрадной дивой? Великим писателем? А может быть и никем. Пруст писал, будучи больным, есть слепые певцы, покоровшие мир не своим здоровьем, а талантом, которого мне, возможно, просто не хватает.

С другой стороны, есть актеры, заканчивающие свои жизни в психиатрических клиниках. Может, моё тело бережет меня от чего-то страшного, что бы могло произойти со мной, если бы я обладала достаточной силой. Ведь я совсем не умею себя дозировать. Если моё тело не подает мне сигналы боли, я не могу остановиться. Помню, как в юности сутками готовилась к экзаменам — бессонила ночами, не разгибаясь, корпела над книгами. Сердце давало о себе знать через пару дней, позвоночник — чуть быстрее. На дискотеках я танцевала несколько часов подряд, так что мои партнеры спрашивали, какой допинг я

принимала. Я могла бы сутками заниматься любовью, доводя до изнеможения мужчину, если бы моё тело не останавливало меня, взывая к пощаде. Помню, как готовила один из сценических проектов и работала по двенадцать часов в день. После блестящего успеха, который вскоре сошел на нет, потому что держался исключительно на моём энтузиазме, больше года я не в состоянии была работать. С тех пор, мой энтузиазм заметно поубавился.

Я действительно не помнил, чтобы она проявляла какую-либо инициативу. Она скорее была похожа на того, кто ждёт — предложения, поддержки, проявления внимания. Даже в таких мелочах, как застолье, я часто видел её, растерянно стоящую с пустым бокалом, ожидающую галантного кавалера, который заметит её ожидание. Это было для меня тем более странно, что в наше время женщины давно привыкли обслуживать себя сами. Бутылка вина в руках женщины, наливающей себе, — нормальное явление в нашем обществе. Во всяком случае, во Франции.

... Сегодня получила письмо от подруги, с которой не виделась много лет — ответ на моё извинение за долгое молчание из-за депрессии, связанной с затянувшейся болезнью:

«Ты же знаешь — какая ты сильная! Я б с твоим состоянием здоровья уже померла (морально, во всяком случае). А ты — такие подвиги совершаешь!»

Поначалу обрадовалась слову «сильная», потом чуть не расплакалась после «померла», потом возгордилась после «подвигов». Как всё противоречиво. Порой кажется, что ты — на краю жизни, с которой не жалко расстаться, и вдруг ты понимаешь, что это только начало. Начало чего? Нового страдания? Или пути к просветлению, очищающему страданиями как душу, так и тело? Мой старый возлюбленный, как-то сказал:

— Ты или умрешь, или просветлеешь. — Сказал жестко, спокойно, уверенно.

А может в нём говорило мужское самолюбие? Это было в три часа ночи, когда у меня разболелось сердце — и я попросила его покинуть мою комнату, чтобы уснуть. С некоторого времени я не могла засыпать с кем-то рядом, даже если этот кто-то был тише мыши. Присутствие другого, видящего меня

лежащей, никогда не вдохновляло на сон. Как будто лежать — это в некотором роде проявлять слабость. А мне стыдно быть слабой в глазах даже самого близкого. Может, из-за отсутствия доверия? Или неспособности полного слияния? Всегда были я и он, никогда — мы. Наверное, поэтому и не родился никто.

Я вспомнил, что никогда не спрашивал её о детях. Рядом с ней как будто не возникало даже мысли о них. Чем жила женщина, не имеющая продолжения? Чем она наполняла свои пустые минуты? Как она думала о конце — со страхом? Нетерпением? Разочарованием?

Иногда мне кажется, что я не живу, что я давно умерла, а моя душа продолжает, неприкаянная, странствовать по земле, ища тепла и уюта. В такие мгновенья я как будто заставляю себя жить. Заставляю вставать, совершать ежедневный ритуал жизни. Как воспоминание о жизни настоящей, которая была коротким сном, случавшимся со мной время от времени по воле Того, кто готов одаривать и рождать, только бы были те, кто умеет взять, протянуть руку, попросить. Неужели я не умею просить милостыню? Господи, избавь меня от страданий, дай мне нормальную человеческую жизнь — ведь я произносила эти слова. Я точно помню, что произносила их. Почему же он не услышал? Возможно, я произносила не так, не веря или не желая верить? Помню, как один из моих друзей сказал:

— Почему ты не хочешь поправляться? Возьми часть моей силы. — И он обнял меня так крепко, как будто хотел, чтобы его энергия стала моей, а потом внезапно отстранился, посмотрел в мои глаза очень серьезно и с каким-то упреком сказал:

— Я тебе даю, а ты не берешь.

— Не беру, потому что ты слабее меня.

Я хотела его уязвить тогда, может быть даже оттолкнуть. Во мне было так мало любви...

— Нет, — возразил он грустно, — не берешь, потому что не умеешь.

И действительно: кто сказал, что здоровье придет ко мне само — как на блюдечке с золотой каемочкой? Нужно сделать над собой некоторое усилие... Но разве я его не делаю? Я посвящаю своему духовному телу (не говоря уже о физическом) не-

сколько часов в день — медитация, лечебная гимнастика, книги о здоровом образе жизни. Я забыла, когда себе позволяла читать просто для удовольствия, а не для того, чтобы найти там очередную панацею от недугов, которая оказывается таким же мыльным пузырем, как и все остальные. А ведь я когда-то знала это наслаждение — читать в своё удовольствие! Часами! Но с каждым годом зрение ослабевало, отучая меня от ещё одной прекрасной привычки.

Что же мне осталось? Ходить долго я не могу, а, значит, о систематической работе вне дома мечтать не приходится. И тем более — о сцене. Писать и читать я могу не больше трех часов — этого недостаточно, чтобы стать настоящим ученым, писателем или хотя бы журналистом. Постоянные проблемы с носоглоткой не дают мне право на работу в учебном заведении или на эстрадной сцене. Что же я умею ещё? Ах да — занятия психотерапией! Мой учитель говорил, что я очень способна, и я была счастлива провести несколько сеансов для больных людей. Но для этого нужно уметь абстрагироваться от них, иными словами — не принимать близко к сердцу, а этого, как раз я и не умела. Я заметила после нескольких таких попыток, что всё, что они рассказывают мне, все их болезни и беды переходят на меня — как будто я их отражаю как зеркало или впитываю, как воронка с тем, чтобы избавиться их от лишнего груза. Может, отсюда — и болезни? И печали? И слезы при просмотре телевизионных новостей, показывающих одни кошмары? Может, я обладаю способностью впитывать в себя мировую скорбь?

Она впадала в пафос. Становилась нудной и однообразной. Я закрывал тетрадь. В душе воцарялась ночь. Поток её сетований возводил во мне стену, в которой невозможно было найти ни одного просвета. Я представлял себе эту узкую щель, за которой можно было обнаружить пробивающееся солнце. Я всё пристальней вглядывался в серую стену. Я забывался на время, но тут же пробуждался от какого-то неясного импульса, который толкал меня к дальнейшему чтению. Дальнейшей пытке.

Сегодня я провела одну из тех страшных ночей, которые запоминаются надолго. Боль циркулировала по всему телу...

Дальше шло подробное описание пострадавших частей тела. Досада, разочарование, вина поочередно сменялись во мне. Стена, тупик, чёрная воронка возникали перед моими глазами, не видящими выход из этого непоправимого мрака, который так не вязался с её образом, увиденным мной при жизни, а возможно — только созданном. Как могло в одном человеке, в одной прекрасной женщине уместиться второе существо, такое непохожее на первое? Как-то она сказала мне, что её астрологический знак, знак Близнецов, очень двойственен. Тогда я не придавал этой фразе особого значения. Сейчас она всплыла в контексте прошлого.

Стоял один из тех осенних дней, когда хочется верить, что похолодание никогда не наступит. Мы гуляли в парке Багатель. Павлины пели свои брачные песни, а ненасытные туристы гонялись за ними с фотоаппаратами. Кажется, я сказал ей в тот момент, что никогда не видел её такой цветущей и весенней и что в сопровождении такой женщины, невозможно поверить в возможную смену времен года и скорое наступление зимы. Она как будто не расслышала. Потом сказала тихое *спасибо* и добавила:

— Когда мы смотрим в лицо неизбежному, оно расплывается перед нашим не верящим взглядом, превращая заостренные черты в мягкие пастельные переходы одного цвета в другой. *Только* потому, что нам хочется видеть вещи такими. Наше воображение сильнее окружающей реальности. Но только в тех случаях, когда мы близоруко смотрим этой реальности прямо в глаза и размываем её черты. Однако реальность всегда одерживает победу, как только мы отворачиваемся.

Странно, но этот короткий монолог снова прозвучал так четко, что я оглянулся в надежде встретиться с ней хотя бы взглядом. Наверное, я ещё долго буду оборачиваться, но находить пустоту. Я заставил себя взять в руки тетрадь и вернуться к чтению. Мне хотелось поскорее дочитать весь этот бред больного тела, а значит, и души, а потом избавиться от него, издать, отдав последний долг, хотя в этой затее я не видел никакого смысла. Ничего, кроме неприятных забот, потери денег, а ещё хуже — репутации в издательском мире, которое я зарабатывал годами. Я не знал, с чего начать, что вырезать,

что оставить, как расставить логические акценты в этом то ли иррациональном, то ли слишком рациональном и кропотливом копании в своем состоянии. Болезнь и боль, горе и горечь, которыми полнились страницы рукописи, заслоняли от меня реальное восприятие написанного. Неужели я не найду ни одного просвета? Неужели нет никакого выхода? Я задавал себе эти вопросы так, как будто от ответов зависела её жизнь — и тут же вспоминал, что её больше нет, что она умерла вчера, а возможно, много лет назад, только я этого почему-то не замечал. Как объяснить эту слепоту, этот дурман, это опьянение оболочкой, которая казалась мне такой прекрасной, а на самом деле была воплощением всех вообразимых страданий и страхов, ущербностей и увечий, воплощением ада...

К середине дневника я всё же стал находить подобия просветов — не столько выход из тупика, сколько перемену направления:

Врачей не люблю. Те, которые лечат химией, вызывают почти физиологическое отторжение, те, кто пытается помогать гомеопатией — жалость. Они не могут быть ни знахарями, ни друидами, владеющими сидхами. Всё детство мама водила меня к бабкам и гомеопатам, всю юность — к экстрасенсах и астрологам. Сейчас я могу доверять своё тело только массажисту, да и то потому, что он приходит на дом. Традиционная медицина, в которую я верила, помогала переносить боль, но никогда не вылечивала до конца. Так что в какой-то момент я поняла, что это не самое страшное в жизни. Меня всегда удивляли люди, которые пьют таблетки от головной боли или от болезненных месячных. И то и другое так естественно, что вмешательство с целью их уменьшения кажется абсурдом. Ведь никакое медикаментозное вмешательство не устраняет причину — только следствие. А причина кроется совсем в другом... Вот бы разгадать её! Вот бы повернуть этот ключик от волшебного царства, где нет ни страданий, ни его источников! Иногда мне кажется, что я подхожу к этому замку, что я совсем близко! Где-то возле волшебной двери, готовой в любой момент приоткрыться, терпеливо ожидающей меня и дарящей право на вход. На открытие. Где же кроется это вечное С е з а м, о т к р о й с я?

Такой поворот в «сюжете» мне понравился. Я пока ещё не знал, что делать с текстом и как преподать его читателю, избалованному обилием литературы. В наши дни настолько тяжело чем-либо заинтересовать, если это, конечно, не детектив и не фэнтези, которые можно читать в метро и в поезде... К тому же, с появлением наушников читатели стали встречаться всё реже... Но постепенно план дальнейшей работы всё четче вырисовывался перед моими глазами. Я уже отдавал себе отчет в том, что эта вещь может стать своего рода открытием. Если не в литературе, то в другом контексте. Нужно только тщательно отредактировать её. И в этом случае, отсутствие автора, обиженного правками редактора, не может помешать работе. Я никогда не понимал писателей, которые дорожат каждым словом своего произведения и пристально следят за недрогнувшей рукой редактора, марающей их драгоценные литеры. Неужели они не понимают, что их текст и, тем более, каждое слово после написания уже не принадлежат им? Не потому, что они их продали по устраивающей обе стороны цене, или надеются на сомнительную славу, а потому что изначально ни одно слово не может являться чьей-либо собственностью. Потому что оно не может быть выдуманно. Оно уже существует в пространстве вариантов и существовало изначально вместе с рождением вселенной. Его нужно было только открыть и взять. А взяв, соединить с другими словами, чтобы получилась более или менее связная фраза, желательно, не лишенная оригинальности. Хотя, любая оригинальность по прошествии веков превращается в банальность.

Попав в поток отвлекающих мыслей, я никак не мог вернуться к самому тексту, который на следующем этапе работы более всего нуждался в правильной презентации, и прежде всего, в определении. К какому жанру, например, отнести то, что лежало у меня перед глазами? Понятно, что дневниковому. Но ведь это звучит довольно скучно. А вот *Исповедальная литература XXI века. Сенсация! Впервые автор со всей откровенностью рассказывает не о внутренней жизни своей души, а о внутренней жизни своего тела!* — вот это совсем другое дело.

Эти размышления отвлекли меня от горьких мыслей о потере. К тому же, некоторое обилие физиологических подробностей в тексте отнюдь не внушало романтической ностальгии по тому, что миновало. Напротив, её смерть всё чаще

виделась мне неким избавлением, к счастью, довольно поздне. Она всё время следила за собой, вернее, за своим телом, как будто боялась уйти из жизни, не сделав чего-то важного, как она любила шутить, «не наследив». Похоже, это было единственное, чего она по-настоящему боялась. Всё остальное её не столько страшило, сколько утомляло. И к старости — всё больше.

Иногда я готова кричать на весь мир, который продолжает жить, двигаться навстречу своему тупиковому будущему и, при этом, ещё и веселиться. Я готова остановить его: Эй ты, сытый и голодный, истощенный войнами и процветающий, солнечный и дождливый, посмотри на меня! Я тоже хочу быть частью тебя, я хочу двигаться в твоём ритме, я хочу чувствовать биение жизни в моих жилах, я хочу танцевать и влюбляться в того, кто ведет меня в медленном ритме, петь о близости, о ночи, проведенной в объятиях наслаждения. А взамен я сижу дома, отгородившись от тебя, и думаю о том, когда же окончится эта пытка — моя земная жизнь, состоящая из боли и ежедневного внимания к своему стонущему телу. Честное слово, иногда мне кажется, что кто-то испытывает моё терпение, что он только и ждет, когда же я, наконец, не выдержу и уйду из этой жизни самым отвратительным способом, а уж там он не замедлит подхватить мою жалкую душонку и слопать со всеми её никчемными попытками спастись и спасти других. Эта навязчивая идея спасения его особенно забавляет: несчастная, которая не может помочь даже себе, тешится надеждой принести пользу этому миру, предлагая ему себя то в качестве светлого сценического образа, способного просветить человечество своим ангельским ликом, то в качестве великого философа, оставляющего миру крохи своих прозрений на фоне тотальной безысходности.

Читая дневник, я ловил себя на мысли, что не соотношу автора, смешливую и бодрую, какой я помнил её все эти годы, с болезненной героиней, которая не уставала жаловаться на свою неполноценную судьбу. Наверное, так она спасалась — элементарным чувством юмора, которое помогало ей принять свою жизнь такой, какая она есть и не сойти с ума. Но почему она никогда ничего не рассказывала о своих страданиях?

Сегодня меня ждут в замечательной компании, а я должна лежать. Если бы кто-то знал, сколько усилий каждый день я прилагаю, чтобы поддерживать эту самую жизнь в моем теле. Травы, ингаляции, компрессы, всевозможные диеты и даже молитвы и медитации — каждый день я должна исполнять определенный ритуал в угод телу. Сколько места в доме занимают лекарства, рецепты и рентгеновские снимки! Целые полки, которые можно было бы заставить книгами. Как это обидно — тратить на материю столько времени, не говоря уже о деньгах. За время, потраченное на поликлиники и больницы, процедуры и консультации я могла бы сделать массу полезных вещей, или бесполезных, но приятных. Например, пойти в театр или встретиться со своими друзьями вместо того, чтобы сражаться с болью, пожирающей весь мой день без остатка. Я чувствую её в каждой клеточке тела, в каждом суставе, извилине. Как будто она уже неотделима от меня и составляет часть моего существа. Как будто это она не дает мне выйти на кухню и приготовить зелье, которое позволит уснуть вечным сном...

Иногда мне кажется, что я колдунья, позабывшая все рецепты, и все мои недомогания связаны с тем, что мне пытаются внушить мысль о моём пути. Может быть, мое предназначение — это знахарство? Может, ощущая разнообразие боли, я смогу помогать людям, потому что буду чувствовать каждого, как себя? Ведь не случайно говорят «Сытый голодного не товарищ» или «Здоровый больного не поймет». Однажды на банальный вопрос своей подруги «как дела» я не выдержала и проговорила, вернее, пожаловалась самым честным образом, да ещё и в таком количестве, что она, бедная, не выдержала и перебила меня: «Не притворяйся: ты молода и красива». Я с радостью согласилась — и разговор завершился.

После этого разговора я старалась ещё больше отгородить себя от близких. Не знаю почему, но в их присутствии всегда хочется поплакать в жилетку, как будто эти бедолаги виноваты, что связаны со мной узами родства и теперь навсегда приговорены к тому, чтобы быть мишенью для сетований на жизнь. А сетовать грешно. Мало того, что, жалуясь им, я множу грех отчаяния, так ещё и выставляю себя в самом невыгодном свете и вместо радости погружаю их ещё в большую скорбь. Наверное, поэтому так стыдно жаловаться, а зна-

чит — болеть. Болезнь — это не только несовершенство тела, но и духа. «В здоровом теле — здоровый дух», — говорили в прошлые времена. Болезнь — это ущербность, с которой приходится носить, как с писаной торбой. Если взять торбу в путешествие, знай: ничем хорошим это не закончится. Через некоторое время она превратится в непосильную ношу. Правда, в этот момент, на пути может возникнуть странник, который облегчит путь. Не тем, что поможет нести чужой груз, и даже не тем, что выслушает исповедь, а просто своим появлением: ведь незнакомому человеку не расскажешь об интимных повадках своего тела. С ним можно обсудить и кое-что поинтересней, по крайней мере — отвлечься.

Правда, если он не окажется таким же больным. Тогда — пиши пропало. Пообщавшись с больным человеком, я чувствую себя ещё хуже, как будто на меня переходит часть его боли. Помню, как в последнем классе школы соседка пожаловалась мне, что она страдает от экземы. Через некоторое время экзема появилась у меня на руках и не проходила в течение года, так что я старалась прятать свои руки, когда разговаривала с кем-нибудь — они были красными и уродливыми. Сейчас же, когда я прохожу по улицам и вижу калеку на костылях, моя оперированная нога ноет, как будто наглядным примером ей напоминают о том, что с ней произошло.

Я впервые слышал о том, что она была оперирована. Зная её полжизни, я ни разу не слышал от неё ни одного рассказа о больницах, в частности, жалоб на свои операции. Неужели я был для неё всего лишь тем посторонним странником, с которым можно было говорить о чём угодно, только не о наболевшем? Одним из многих, с кем она могла бы быть интересной, прежде всего, для самой себя, забывшей на время о наболевшем? Я нашёл ещё несколько пассажей, посвященных её увечью.

Когда я появилась на съёмках, опираясь на костыль, лицо режиссера вытянулось так, что напомнило грушу из сказки о трех толстяках. Что случилось? Ты не можешь работать? У меня же сегодня запланировано... и сеттера. Я заверила его, что ничего страшного, что это рецидив старой болезни, что те несколько шагов, которые мне нужно пройти, я пройду достойно, не хромяя... Я выдержала этот день. Я улыбалась в кад-

ре счастливой улыбкой энергичной женщины, влетающей в дом с новостями. Я не лгала в эти моменты — я играла, и я исцелялась своей ролью. Через несколько дней я затемпературила — съемки проходили в октябре в холодном помещении, где было не выше 14 градусов. Тогда я попросила обогреватель, чтобы не покрыться мурашками при раздевании. Актер, который должен был провести всю любовную сцену в толстом свитере, сердито косился в мою сторону. Режиссер удовлетворял все мои просьбы, как-никак я играла главную роль, но больше он меня не приглашал на съемки. После того, как мы окончили картину, я узнала, что он готовился к новой, но увы — без меня.

И тут передо мной стали проплывать разные картинки наших встреч, на которых я всё чаще видел её сидящей. А ведь и правда: едва войдя в комнату, она тут же искала глазами свободный стул, а войдя в метро — сидение, даже если нам предстояло проехать пару станций. Я также стал вспоминать, что очень редко проводил с ней целый день. Через два-три часа после начала встречи она уже торопилась уйти. И всегда — без видимой причины. Наверное, её тело всё время напоминало о себе, неслышно повторяя: *пора отдохнуть*. Она старалась щадить себя, потому что любила жизнь, несмотря ни на что, и проживала её с каким-то удивительным ощущением благодарности. Одна из картинок, которую я вспоминал чаще других — её неожиданное появление в парке, прямо перед моими глазами. Я шёл, погруженный в свои мысли и смотря перед собой отсутствующим взглядом. В тот день я решил оставить машину в гараже — до работы было недалеко — и пройтись по свежему воздуху. Вечером, после работы я заглянул в парк Монсо. Я очень любил этот парк — небольшой по сравнению с другими и очень уютный. Вдруг мой взгляд упал на девочку, которая прикасалась губами к желтой розе, как будто хотела попробовать её на вкус или сообщить что-то такое, о чем никто не должен был слышать. Приблизившись, я понял, что передо мной зрелая женщина. Я всегда плохо видел и почему-то стеснялся носить очки, которые мне давно выписали, вероятно, находя в них своего рода слабость. Я прошел мимо, но что-то заставило меня обернуться. Это была она! Как мог я её не узнать? Ведь мы встречались почти каждый день! Я окликнул её. Она, как будто проснулась — таким свежим был её взгляд...

Я почувствовал, как по моей щеке катится слеза — и преврал чтение, направившись в кухню за салфеткой и прокручивая в голове последние прочитанные строки:

Когда боль отпускает меня, я чувствую себя настолько счастливой, что мне кажется, это навсегда. Я готова перевернуть горы — я могу одновременно наводить порядок в доме, звонить старым друзьям и планировать рабочий день. А ещё я обожаю петь и танцевать, особенно в компании джазовых музыкантов. Я обожаю импровизировать, следуя за саксофоном или роялем. Я могу танцевать так, вторя музыке, до изнеможения. Правда оно наступает довольно быстро. А ещё я могу думать, записывать новые идеи, которые текут в меня потоком, когда тело не заблокировано болью, и мечтать, мечтать... Ко мне приходят ответы, как будто я — шаман после камлания или оракул, способный предсказать судьбу. Я несу в себе ощущение целой прожитой жизни, поскольку боль чувствую как предсмертную агонию, а значит, в некотором роде прохожу через смерть.

Читая, я начинал понимать то, что не мог объяснить при её жизни — её любовь к одиночеству, отсутствие детей — она писала, что боялась передать им часть своей боли, — её частые исчезновения на целые дни и даже недели. Во время одного из таких исчезновений я не на шутку встревожился, поскольку речь шла о работе, которую нужно было сделать к определенному сроку. Я позвонил ей и услышал в ответ слабый голос: *извини, была нездорова, и не в состоянии была разговаривать, но работу я сделала, я вышлю её тебе сегодня ночью и на днях появлюсь в редакции.* Я был несказанно счастлив, когда она появилась, немного похудевшая и бледная. Тебе нужно отдохнуть, поехать куда-нибудь в отпуск, — сказал я. Да... — мечтательно протянула она. Хочешь, поедем вместе?.. То есть отдельно... — я замялся, — но в одно и то же место, Жюльен ле Пан, возле Антиб, на Лазурном берегу, очаровательное! — Я, помнится, перешел на скороговорку, чтобы скрыть смущение, которое она не заметила, или сделала вид, что не заметила. В этом смысле с ней всегда было легче, чем с другими — она была до такой степени актрисой, что умело скрывала своё мастерство под маской естественности. И при этом,

была очень искренна. Она тут же согласилась. Мы отработали ещё какое-то время, хотя этот период меньше всего был похож на работу. Он походил на ожидание, на предвкушение чего-то важного, что вот-вот должно было случиться, хотя речь шла об обыкновенном отпуске.

И вот этот день наступил. Он разочаровал нас обоих, потому что мы безумно устали. Затеяв поездку, я опрометчиво предложил ей место в моей машине, чтобы дать возможность сэкономить приличную сумму на авиабилет. Выслушав моё предложение, она кивнула нерешительно. Я стал описывать ей преимущества такого путешествия — живописные остановки, романтический ужин в ресторане, неожиданные посещения замков и крепостей, располагающихся по пути. Для этого всего лишь требовалось выехать засветло. Я заехал за ней в шесть утра. Она была готова. Оказалось, что она не ложилась, собираясь всю ночь. Ничего, выпишесь в машине, — ободрил я её. Оказалось, что в транспорте она спать не умеет. Ну, тогда в отеле, не зная, что ответить, пробурчал я. Невесть почему, я чувствовал себя виноватым. Разговор не клеился — она была так невнимательна и рассеяна, что вскоре я прекратил всякие попытки общения. Мы остановились всего пару раз — на традиционный обед в полдень в кафетерии у трассы, где ни одно из выбранных блюд ей не понравилось, и на ужин, в маленьком ресторанчике, где нас покормили быстро и вкусно. На неё больно было смотреть — серое лицо, полужакрытые глаза. Когда мы доехали до места назначения, все отели были заполнены. Мы не подумали забронировать место заранее. Нам удалось найти небольшие апартаменты недалеко от моря, состоявшие из двух отдельных комнат с общей столовой, совмещенной с кухней. На мой смущенный вопрос, устраивает ли её такой вариант, она кивнула. Она была настолько уставшей, что отвечала на автомате. Я уступил ей комнату внизу и разложил свои вещи наверху. Она тут же улеглась и, кажется, не расслышала моего пожелания спокойной ночи, во всяком случае, не произнесла ни слова в ответ и даже не глянула в мою сторону. Так завершился наш первый день отпуска. Нам предстояло провести вместе ещё семь дней. И они были так непохожи на первый, что мы всю жизнь вспоминали о них, как о самой счастливой сказке, случившейся не с нами.

На следующее утро она проснулась первой. Я нашел её приветливой и почти сияющей. Даже без косметики её лицо выглядело помолодевшим. Всё-таки, для женщины сон — очень важен, — вспомнилась мне чья-то фраза. Она первая пожелала мне доброго утра и предложила чай, который был почти готов. Оказывается, большую часть её чемодана занимал маленький китайский сервиз, который она всегда возила с собой, с несколькими сортами чая. Мы проболтали полдня, забыв про море, солнце и даже про полдневный обед. Говорили обо всём на свете — книгах, которые мы планировали издать, смешных привычках коллег, вспоминая их беззлобно и даже с некоторой нежностью — как неких членов семьи. И хотя в издательстве она не сблизилась ни с кем настолько, чтобы считать его своим другом, она отлично разбиралась во всех перипетиях отношений и знала тончайшие нюансы каждого характера. Помню, как меня поразило, когда она сказала, что Софи, всегда носящая туфли на низких каблукках из-за варикозного расширения вен, на самом деле обожает шпильки и может часами смотреть на женщин с узкими лодыжками, которые благодаря каблукам кажутся ещё изящней. Этим утром моя спутница открыла передо мной целый мир, в котором претендовали на значимость чулки и юбки, ногти, декорированные маникюром, и волосы, выкрашенные в бесчисленные оттенки... Всё, что мне казалось женскими мелочами, недостойными внимания серьезного человека, каким я себя считал, в её устах звучало, как удивительные истории о волшебном мире фей, порхающих между работой и домом, повсюду успевая навести красоту и гармонию. Я уже хотел было спросить, куда делся её муж, тот, которого я видел однажды в день её выступления, если предназначением женщины, по её словам, являлись гармония и уют, но тут, как будто бы предчувствуя нежеланный вопрос, она отвернулась к окну и, всплеснув руками, сорвалась с места со словами: *так мы весь отпуск проболтаем, тем самым дав команду к выходу*. Честно говоря, я был не прочь провести весь оставшийся отпуск, купаясь не в море, а в её щебете, но так как этот щебет был неотделим от неё, я покорно пошел к себе за полотенцем и плавками, и мы отправились к морю.

К счастью, день клонился к вечеру, иначе мы бы обгорели. Оказалось, часа в день ей вполне хватает, чтобы, как она выразилась, *подпитаться солнечной праной*. Она тут же рассказала

мне невероятную историю о женщине, которая вот уже десять лет существует без пищи и при этом очень активна — разъезжает по миру и пропагандирует здоровый образ жизни в соответствующем экологически чистом окружении. *Она питается солнечной энергией*, — объяснила она, но, увидев недоверие в моих глазах, поспешила добавить: *наверное, из-за солнца нам не хочется кушать*. Я не стал возражать, хотя давно проголодался и в животе у меня начинался легкий шторм. Странно, но она угадала моё состояние: *Не волнуйся, я искупаюсь ещё разок — и мы пойдем ужинать*. Я посмотрел на часы — было около шести. Ужинать в семь никогда не входило в мои привычки. Но почему бы и нет? Отдых для того и существует, чтобы сменить надоевшие привычки и обзавестись новыми. Мы ели мидии и они казались нам такими вкусными, как будто мы до этого не ели несколько дней. Потом она захотела десерт. Я был удивлен, потому что считал, что она следит за своей фигурой и не позволяет себе сладостей. *Слежу, только в другом смысле*, — сказала она лукаво. Мне это понравилось. Я не люблю людей, искусственно ограничивающих себя. Мне кажется, нужно есть всё, что тебе хочется. Конечно, в умеренных количествах. Мы вернулись к десяти. Она заторопилась в душ, откуда вышла посвежевшей и почему-то улыбающейся. *Обожаю воду в любых её проявлениях*, объявила она, а я подумал сразу о море, чае и душе. Я последовал её примеру и когда вышел, обнаружил пустую комнату. Я подождал немного и постучался к ней в комнату. *Войдите!* — услышал я её оживленный голос. Когда я открыл дверь, то понял, что она ждала меня. На ней была какая-то смешная короткая рубашка в мелких розовых цветочках — никакого намека на сексуальность. Я сел на постель и взял её за руку. Она смотрела на меня выжидающе. Я поднес её руку к губам и ощутил легкий аромат цветочного геля. Наверное, так пахнут деревья весной, глупо подумал я...

Если бы меня когда-нибудь спросили, какой она была, эта женщина, я бы не ответил. С ней я терял все ориентиры и клише. Я даже не помнил, была ли она хорошей любовницей. От неё сохранилось лишь ощущение, как будто бы я окунался в море, которое мы выбрали для нашей первой встречи. Помню её кожу и как с прикосновением всегда вспоминал стихи какого-то средневекового поэта про персики. Наверное, она любила персики, и её кожа стала похожа на них. В её дневнике я

прочел, что человек состоит из того, что он ест. Я стал вспоминать, что она любила: морепродукты, фрукты, овощи, злаки... Не такой уж обильный рацион. Она никогда не ела много. Мне всегда казалось, что она боится поправиться, как и все женщины её возраста, но она только смеялась в ответ на моё предположение. Когда я брал её на руки, она казалась невесомой. Когда я раздевал её, — а она обожала, когда я раздевал её, подставляя каждую часть тела, как ребенок, вытягивая одну за другой руку, — я каждый раз с удивлением обнаруживал большую грудь и выразительные бедра на хрупком теле.

Я бросился к фотоальбомам. Я хотел вспомнить, какой она была, в первые годы нашей встречи. Её лицо, особенно глаза. Однажды я долго рассматривал её. Она лежала с закрытыми глазами, всё больше погружаясь в себя. Тогда я почти физически ощущал, как она отдаляется от меня. Вот она рядом, но страсть уходит из её тела. Вот она удаляется всё дальше и дальше. Вот она — забывающая меня... Когда она отделилась настолько, что я научился смотреть на неё, как на постороннюю, вдруг обнаружилось, что это женщина с удивительно непропорциональным лицом. Его левая сторона была шире правой. Подбородок скашивал в одну сторону из-за маленького шрама, который я не замечал раньше. А вот ещё шрам — на переносице, памятка от ветрянки. Он переходил в глубокую морщину, разрезающую межбровье на две части. Её нос был искривлен, одна ноздря больше другой в полтора раза. А вот ещё одна глубокая морщина — с левой стороны у рта. И огромный шрам на правой скуле. Однажды она со смехом рассказала о своей неуклюжести в детстве: она с кузиной полезла на полку за книгами и та задела стекло. Оно вывалилось, кузина успела отскочить в сторону, и стекло врезалось в менее проворную девочку, едва не задев сонную артерию. Она потеряла «целый тазик крови». Она смеялась, рассказывая мне об этом, как будто желая уравновесить своим смехом неприятное воспоминание, которое могло быть воспринято как жалоба. Я продолжал рассматривать её лицо — все мелкие морщины и поры — до тех пор, пока она не показалась мне уродливой. Я в ужасе зажмурил глаза. А когда открыл, на меня смотрело два сияющих источника — её глаза, свет которых затмевал все недостатки.

После, за годы совместного пути я перестал обращать внимания на её внешность. Как будто погружался всё глубже, входил в дом, который стал настолько родным, что предметы, населяющие его, перестали восприниматься по отдельности. К моему удивлению я не обнаружил ни одной фотографии с ней. Она не любила фотографироваться? Не хотела фотографироваться со мной? А я не позаботился о том, чтобы запечатлеть её физический облик, настолько рядом, настолько внутри находилась она все эти годы. А снаружи — была ли она вне меня? Была ли она вообще? В окружающем мире? Я ринулся к телефону и набрал номер сотрудницы, проработавшей со мной так долго, что она непременно должна была её знать. В ответ на моё сообщение о смерти нашей, как мне казалось, общей знакомой, я услышал напряженное молчание: на том конце провода шел безуспешный процесс вспоминания. Я повесил трубку быстрее, чем допускали правила приличия. Можно сказать — швырнул, почувствовав приближение совершенно жуткой мысли: а вдруг, она — всего лишь плод моего воображения? Но не мог же я *так* реально бредить на протяжении всей своей жизни?

Я посмотрел в окно, пытаюсь определить, какое сейчас время суток. Сквозь ветви пробивалось слепое солнце. Я загляделся на листву и забылся на некоторое время. Меня разбудил её голос. Он прозвучал так ясно, как будто источник был совсем близко. Я стал озираться по сторонам в сумасшедшей надежде, но встречался только с пустотой. Она надвигалась на меня, вещественнее, чем явь. И этим веществом был звук, который я смог вскоре расчленить на слова. *Кто я?* Вопрос повторялся всё настойчивей. *Кто я?* — звучало со всех сторон её голосом, настаивая, наступая... Мне не оставалось ничего другого, как вернуться в моё настоящее. Чтобы не быть поглощенным чужим.

Открыв глаза, я наткнулся, конечно, на дневник, который не выпускал из рук со вчерашнего дня. И тут же нашел ответ. Он отогнал от меня навязчивую мошкату предыдущих вопросов с мистическим призвуком нереальности. Ответ был простым до разочарования: она боялась запечатлеть себя в невыгодном свете! Всё-таки она была настоящей женщиной. Со всеми вытекающими из этого глупостями.

Я сегодня совсем некрасивая. А мне нужно петь. Придется положить на лицо определенное количество косметики, чтобы не испугать слушателей. Ведь меня всегда привыкли видеть красивой и ухоженной, сияющей и довольной жизнью. Поучитесь дзэну у вашей подруги, — советовал учитель французского барышне, сидящей рядом со мной на курсах. Если бы они знали, каких усилий стоит мне казаться такой, какой они меня видят! Зато когда я выхожу на сцену, когда стою перед ними, прилив любви и восторга заставляет меня забыть обо всех своих недугах. Я начинаю говорить для них, петь для них, дышать для них, существовать для них. Правда, это случается довольно редко. Я не в силах инициировать встречи со зрителем и всегда жду, когда меня пригласят. И только если меня долго никто не вспоминает, я набираюсь мужества позвонить или чиркнуть пару слов. Я знаю, что так я никогда не смогу понастоящему реализовать себя на сцене, которая требует постоянных контактов и тусовок, но зато мне удаётся накопить немного сил для следующих встреч.

Наверное, я тоже был для неё всего лишь одним из встречных. Одним из всех. Горькая волна обиды внезапно подкатила к горлу. Женщина, которая долгие годы была для меня единственной, даже не вспомнила обо мне на страницах своей истории! Думала ли она вообще обо мне когда-нибудь, включая во внутренний диалог, который она непрерывно вела с болезнями, задаваясь мучительными вопросами, на которые невозможно было найти ответа?

Ах, если бы можно было вычислить траекторию боли! Если бы узнать её тактику и стратегию, её любимые маршруты! Например, сегодня она предпочитает сердце — значит, нужно просто выйти на прогулку и глотнуть свежего воздуха, прихватив с собой кардиофит. Завтра она выберет ноги — значит, не стоит выходить из дома, можно заняться умственным трудом, без физических нагрузок. Послезавтра — носоглотка. Рецепт — тепло на несколько дней, полоскания и ингаляции. Потом — желудочно-кишечный день, вызывающий к голоданию и очищению. Позвоночник — упражнения для спины. Головную боль можно и перетерпеть — намазаться вьетнамской звездочкой, зажечь аромалампу, подумать о хорошем...

Ну что ей, боли, стоит предупреждать о своих намерениях? Я бы была ей очень признательна даже за незаметные намеки. Но её наглое вторжение заставляет меня возмущаться, раздражаться и ненавидеть. А это опасней всего. Она как будто только того и ждёт, чтобы зацепиться за мои слабости и погрузиться ещё глубже в тело. Тяжелее всего договориться с температурой, потому что не знаешь, откуда она берется. Просто слабость — и ты ничего не можешь сделать с собой в течение недели-двух. И так — каждый месяц. Ты остаешься одна, чтобы не заражать собой здоровое пространство жизни и предаешься самым мрачным мыслям — о бесполезности своего существования, бессмысленности растительного образа жизни и безболезненных путях отступления. Максимум, на что ты решаешься — несколько звонков и писем далёким близким, которые готовы поддержать тебя ласковыми картинками на почтовых открытках по электронной почте, и немного чита — как бегство от своей собственной истории.

Но что делать, если она преподносит такие радикальные сюрпризы как падения, вывихи, удары, которые появляются всегда на ровном месте? Потому что маленький злой человечек не дремлет, он делает своё черное дело изо дня в день, систематически, без выходов. Как тут не сойти с ума и не возненавидеть жизнь земную?

Нет, всё что угодно, в ней можно было заподозрить всё, что угодно, но только не ненависть! Это не она, честное слово, это не её слова и не её дневник. Возможно, ей кто-то нашептал всё это, возможно в неё вселялся бес...

*С другой стороны, несчастные случаи часто помогают мне избежать нежеланных встреч. Вот и сейчас — я наказана за то, что не смогла сказать твёрдое **нет** очаровательному молодому человеку, добивающемуся встречи со мной в течение нескольких месяцев. Я видела его всего дважды, но на второй раз он набросился на меня с поцелуями прямо в метро. После этого, я конечно, прекратила отношения с ним — я была тогда ещё замужем и не собиралась изменять своему мужу. Тем более, что он знал об этом. И какой черт меня дёрнул согласиться на встречу через полгода? Вчера, накануне встречи, у меня разболелось сердце. Внезапно, ни от чего. Я перенесла нашу*

встречу на завтра, потому что он настаивал, а я не умею говорить нет. Сегодня я упала с лестницы и подвернула ногу. Так мне и надо. Теперь сижу с тугой повязкой, хорошо, что на этот раз обошлось без гипса. Нечего грешить. Даже в мыслях. Может быть, кому-то это и позволено, но мне — нет.

Вот так новость! Кем-кем, а ханжой она никогда не была. Я часто видел её разговаривающей с другими мужчинами. Очень любопытное зрелище. Наверное, именно это называется флиртом. Мне всегда казалось, что она владела им в совершенстве. Первое время я даже считал себя самого жертвой её женских чар. Иначе я не мог объяснить то притяжение, которое возникало в её присутствии. *Ведьма*, — повторял я про себя, как будто защищаясь от её влияния. Её дневник открыл мне совершенно другую сторону её натуры: уже ближе к концу, в нём всё чаще стали попадаться цитаты из христианской литературы:

«...все обстоятельства и факты земной жизни предназначены, чтобы смирать человека, измалывать его, стирать гордыню его чувств и разума, просвещая его сознанием милости Божией или бия его по самодостаточности, самостоятельности, самодовольству...

Какой бы ужасающей гордыни исполнился человек, если бы его не смиряло всё то, что его теперь смиряет на земле: смерть, болезни, физические страдания, беспомощность..., слабость, душевные муки и томления, унижения, труд, необходимость претрудного учения во всех областях, невежество, неразумие, безобразное проявление внутренних страстей, суд совести...» (игумен Иоанн)

«Душа человека, ничего не пострадавшего, не испытывавшего ни бурь, ни волнений и борьбы, часто сама покрывается корой суетности, пошлости, самодовольства, перед ней появляется опасность погрузиться в состояние инерции и мертвенного покоя... мы можем видеть, как часто люди, ничего не испытывавшие, не могут понять переживаний других людей, являются безразличными к их страданиям, как часто теряется перед ними сознание высшей цели и смысла жизни, и они погружаются в тину мелочей. Это состояние полного самодовольства и тупости часто смешивается в мещанском обывательском сознании со счастьем» (Н.Н.Фиолетов)

Я никогда не любил читать подобную литературу, возможно, потому что всю жизнь провел в светском окружении, где религия была частным делом каждого, и воспитан в семье, где все были крещёнными, но все как будто забыли об этом. Возможно, поэтому я никогда не слышал от неё ни слова о Боге — она была толерантным человеком и ничего не навязывала другим. Но чем дальше я читал, тем больше убеждался, что она — истинно верующий человек, хотя и не соблюдающий церковных ритуалов. И с каждой страницей я находил всё больше проявлений её веры. Я понял, что её дух, несмотря на все перипетии судьбы, крепчал с каждым днём всё больше, так что на последних страницах дневника не осталось и следа от той вечно больной женщины, чьё нытье поначалу вгоняло меня в смертельную тоску.

«Тихая и спокойная жизнь, проведенная в Боге — хорошо; жизнь, полная бурь, прожитая с терпением — лучше; но найти покой в жизни, полной боли — наилучшее» (философ Экхарт)

«...если всё благополучно, то в душе появляется самолюбие, тщеславие, гордость, леность, праздность, любовь к земным благам — это своего рода гады, их нельзя разводить в душе. А когда человек попадает в поток скорбей, в это время душа его очищается от страстей и пороков» (Архимандрит Амвросий «Слово утешения»)

«Мы имеем все основания жаловаться, когда не имеем страданий, так как ничего не делает нас подобными Господу, как несение Его Креста» (священник Иоанн)

Мне всегда казалось, что в эту хрупкую оболочку облачена очень сильная личность. Я не мог объяснить этого, поскольку её поведение никогда не давало повода к таким мыслям, но когда нашел её собственные строки, я ещё раз убедился в этом:

Может, меня готовят для чего-то более важного, что исключает человеческие страстишки и слабости. Так, например, травмы чаще всего случаются, когда меня разрывают на части. Скажем, в один и тот же вечер мне нужно петь, прийти на открытие фестиваля и на концерт моей ассоциации. Я долго думаю, что выбрать — и тут внезапно падаю на самом ровном месте... На костылях много не находишься — и я отказываюсь

от всего. Сажусь за компьютер — и начинаю писать. И при этом чувствую себя совершенно счастливой. Теперь я могу посвятить себя своей миссии.

Эта навязчивая идея о своей миссии огорчала меня больше всего. С чего она взяла, что ей нужно обязательно привнести в этот мир что-то особенное? Он и без неё переполнен желающими непременно оставить себя в памяти людской. И почему эта самая миссия предполагает такое количество страданий? К концу дневника она ответила на мой вопрос так:

«Кого Господь возлюбит и кого восхощет избрать для блаженной вечности, тому посылает непрестанные скорби, в особенности если душа заражена миролюбием... Как тело, принявшее яд, умирает от естественной ему жизни, так и душа, вкушающая скорби, умирает для мира, для плотской жизни, родившейся из падения и составляющей истинную смерть»

Такой ответ меня, конечно, не устраивал. Ну не мог я к концу жизни стать адептом христианского учения — слишком много другого опыта было у меня за плечами — и опереться на него как на главное преимущество в пользу издания этого дневника. И всё-таки он выше! В невероятный срок. Прошел всего месяц со дня печального события. Нужно отдать мне должное, я работал, как вол, желая поскорее избавиться от этой ноши. И вот, наконец, сбросил с себя непомерный груз. В тот день, когда я раскрыл ещё пахнущий типографской краской экземпляр, я почувствовал себя почти титаном, прожившим за это время вечность. Оставалось направить в магазины тираж издания и примириться с тем, что книга будет годами пылиться на полках.

Однако всё произошло с точностью наоборот. Успех книги стал для меня неожиданностью. Я честно исполнял свой долг, не надеясь ни на бурную реакцию читателя, ни на то, что я смогу окупить потраченные деньги, а тут — звонки из магазинов с просьбой пополнить запасы. Я заказал новый тираж и стал перечитывать книгу в поисках того, что могло привлечь внимание читателя. Всё-таки держать в руках напечатанную книгу — совсем не то, что перебирать страницы черновика, который нужно отредактировать. Но дело было явно не в ка-

чественной редакции — я позволил себе выбросить буквально несколько физиологических подробностей, которые не имели никакого значения, а только засоряли текст. Наверное, сработала реклама, — повторял я себе, — не может быть, чтобы мир обрел ещё один шедевр. Но, как оказалось, дело было вовсе не в шедевре. Продавцы тех книжных магазинов, куда мы сдавали обычно свою продукцию, были удивлены тем обилием больных, увечных и просто людей с нездоровым цветом лица, которые спрашивали именно эту книгу. По-видимому, каждый из них находил для себя что-то особенное, что могло бы помочь ему. Ведь в её дневнике было всё: пища для ума и тела, упражнения и рекомендации, методики и медитации, простые размышления и слова утешения, вера и надежда. Перечитывая книгу, я нашел ещё один из пассажей, на который не обратил внимания сразу и который мог привлечь внимание больного человека и даже послужить руководством к действию для самых «продвинутых»:

Сегодня мне показалось, что я ещё больше приблизилась к разгадке. Итак, если абсолютное излечение невозможно, если этот исключительно божественный дар обойдет меня, по крайней мере, можно, научиться облегчать свои страдания. Первое условие — как только воспоминание о боли или мысль пытается проникнуть в сознание, ты немедленно стираешь в всякую попытку в медитации, забывая свободное пространство информации мантрой или аффирмацией, заготовленной заранее. Ты повторяешь её ровно столько времени, сколько требуется для ухода старой информации. Для верующих этим эффектом обладает Иисусова молитва. Если же боль всё-таки успела просочиться в тело, нужно научиться контролировать её. Когда она подступает, нужно локализовать внимание на основном источнике, обратиться к нему внутренним зрением и направить туда своё сознание. Сознание — это свет, который растапливает темноту. Поначалу, концентрируясь на точке боли, всё твоё тело превращается в боль, но потом, эта боль становится настолько естественной, поскольку не существует ничего другого, кроме неё, что ты перестаешь её различать. ТЫ ПРЕВРАЩАЕШЬСЯ В НЕЁ, ТЫ СТАНОВИШЬСЯ БОЛЬЮ, КОТОРАЯ НЕ ЗНАЕТ НИЧЕГО ДРУГОГО, КРОМЕ СЕБЯ, А ЗНАЧИТ, НЕ ЧУВСТВУЕТ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ БОЛЬЮ И НЕ-БОЛЬЮ...

Если же однажды мне не помогут никакие испытанные средства, вот что я сделаю: подожгу все рецепты и медицинские книги и устрою праздник освобождения. Для себя и своей боли. Мы останемся совсем одни — tête-à-tête. И на наших лицах будет пылать одинаковое отражение пламени, так что в какой-то момент они станут неразличимы и сольются в одно целое. И тогда я перестану чувствовать боль как что-то отдельное и постороннее. Я стану ею — и перестану страдать...

Через несколько недель после выхода книги я получил анонимное письмо с угрозой закрыть моё издательство, если я буду продолжать распространять псевдонаучную вредоносную литературу. Я сразу понял, имеется в виду её дневник, но что в нём было такого вредоносного, я, положив руку на сердце, не мог понять и не обратил на угрозу ни малейшего внимания. Ещё через пару месяцев мне пришел вызов в суд. Оказалось, что на меня подал жалобу огромный частный госпиталь на окраине Парижа, где больные стали отказываться принимать предписанные врачами лекарства, а многие из них вообще выписались в срочном порядке. По свидетельствам одного из лечащих врачей, большинство из них попало под влияние глупой книжонки, которую написала одна сумасшедшая, покончившая с собой. И ничего она не покончила, ответил я спокойно судье. Она ушла из жизни в полном рассудке, а к смерти готовилась, как к празднику, иначе на её столе не нашли бы восковые слезы догоревших свечей в огромных канделябрах, стоявших по обе стороны кровати, а комната не источала бы аромат, который она воскурила незадолго до своего ухода. Она готовилась к смерти, как к выходу в свет, потому что надела одно из своих любимых платьев, я его очень хорошо помню, она надевала его в самые солнечные дни своей жизни. Она надела его, потому что по-прежнему хотела быть красивой. Более того, она тренировалась в течение последних месяцев, чтобы уйти наиболее легко, не прибегая к суициду. В её дневнике при обилии мыслей о смерти только однажды встречается мысль о самоубийстве:

Если посреди ночи тебе взбредет в голову мысль уйти из жизни, ляг и усни. Утром ты наверняка забудешь об этой дурной идее.

В её дневнике можно найти записи о тибетских монахах, которые погружались в глубокие медитации, длившиеся до тех пор, пока душа не покидала тело. Ещё задолго до смерти, она позволяла себе размышлять о ней, но тогда горечь и обида, которые она иногда выплескивала на бумагу, мешали ей уйти со спокойной душой. В суде мне процитировали один абзац из дневника, который, скорее всего, и послужил поводом к иску:

Не ходите к врачам. Не ложитесь в больницы. Не делайте операций. Если вас что-то тревожит, обращайтесь к своему сознанию. Задавайте себе вопросы. Разговаривайте со своим телом. Прислушивайтесь к сердцу, которое обитает в нём. Слушайте только своё сердце — оно мудрее, чем сотни квалифицированных специалистов, которые не принесут вам никакой пользы. Потому что единственный советчик и помощник — это вы сами. Любите себя, как и своих близких, как и все проявления жизни. Любите вашу жизнь, примите её такой, какая она вам дана. Любите каждый подарок, с которым она идёт к вам навстречу. Это мой рецепт молодости. Когда-нибудь вы научитесь быть бессмертными одним движением вашей мысли. Когда научитесь любить каждое мгновение жизни и говорить ему «Мгновенье, ты — прекрасно, продлись, постой». То, что не удалось мне, получится у вас. Потому что я хочу этого. Потому что я люблю вас.

Эти крохи она назвала своим завещанием тем, кого она любила. Так вот в чем заключалась её тайна — тайна обыкновенного человека, который умел любить жизнь и живущих. Так вот почему, где бы она ни появлялась, а появляться на людях не входило в число её постоянных привычек, она всегда находила восторженный приём. Люди слетались, как мотыльки на огонек её тепла, а она только улыбалась навстречу. Они смотрелись в неё, как в зеркало, не чувствуя грани между своим и чужим, а она была их отражением — тем, кто сливался с визави мгновенно и незаметно, потому что смотрел на него с такой любовью, которая размывала все мыслимые границы.

Когда меня окружают люди, я чувствую себя такой счастливой! Наверное, потому что в эти минуты становлюсь по-

хожей на них, а, значит, не одинокой — одной из них. В их присутствии боль покидает меня, как будто её и не было вовсе. А может быть она остаётся, только поток радости, который возникает между мной и ими, не позволяет погрузиться в её унылое течение.

Конечно, моему адвокату не стоило большого труда и времени доказать мою невиновность. Да и сам судья был несколько смущен тем, что вынужден предъявлять столь нелепое обвинение. Истец по-видимому был психически не совсем здоровым человеком. Во время судебного заседания он без остановки ёрзал на стуле, нервно оглядывался по сторонам, а когда ему дали слово, понес такую ахинею, что те немногие люди в зале, которые пришли, захихикали. И всё же я покидал зал не победителем, а изрядно потрепанным стариком, которому в течение всего нескольких часов водрузили на плечи изрядный груз его жизни, наполненный радостными и горькими воспоминаниями.

В эту ночь она пришла. Поблагодарив меня с грациозной улыбкой молодой женщины, довольной произведенным эффектом, немного замаявшись, она спросила:

— Теперь ты готов?

Признаюсь честно, я не сразу понял, что она имеет в виду. Она по-детски обиженно надула губки:

— Ты не хочешь присоединиться ко мне?

Я испугался. Самым настоящим образом. Настолько, что проснулся. Я тут же пожалел об этом, но было поздно. Она не являлась несколько дней, чем довела меня до болезненного состояния постоянного ожидания, после которого, наконец, появилась. На этот раз она казалась ещё моложе. Как будто на том свете начала расти в обратную сторону.

— Послушай, ты ведь скоро сам захочешь уйти. Так лучше, если ты это сделаешь со мной.

— Кто ты? — услышал я свой голос, ставший утробным и чужим одновременно.

— Та, кого ты узнавал с первого взгляда, любил всю жизнь и встречал в разных женщинах. Та, которая опустила к тебе однажды, чтобы зачать невидимое существо любви, готовое воплотиться на этой земле и уже ждущее своего при-

хода. Когда оно родится и подрастет, оно сотворит из нашей истории бессмертное творение, которое станет источником пробуждения для многих. Но для этого ты должен соединиться со мной.

— Ты ждешь моей смерти? — почти обреченно прозвучал я.

— Смерти не существует для тех, о ком помнят! — рассмеялась она. — Смерти не существует между тобой и мной.

Я проснулся, как всегда, около семи, но не захотел вставать. Мною овладело странное оцепенение. Как будто то, что мне снилось, поглотило меня целиком, стараясь внушить, что оно и есть единственная реальность, а я сейчас, в этой постели — фантом, который возомнил себя живым только потому, что его окружают привычные предметы жизни. Прошло полчаса. Час. Я оставался лежать, как будто передо мной простиралась вечность, в которой не было ни времени, ни пространства, ни возможности идти в определенном направлении, например, на работу. В этот день я не вышел на работу. Она впервые показалась мне чем-то надуманным, лишним, каким-то странным довеском к моей жизни, которая заключалась совсем в другом, в том, чему я уделил так мало внимания, мимо чего прошел, вежливо сняв шляпу, хотя, какая там шляпа, начинался двадцать первый век — и мир ходил с непокрытой головой, не проводя никакой границы между земным и небесным. В этом веке мудрость одного человека не могла обратиться ни в *Мысли* Паскаля, ни в *Опыты* Монтеня, на которые никто из живущих, с головой погруженных в свой собственный мирок, не удосужился бы обратить внимания.

Так зачем же было всё это — надежды и труды, семья и карьера? Зачем мы проходим этот путь, полный пустых дней, заполненных банальной суетой, и редких ошибок, вырывающих из привычного круга и дающих ощущение истинной жизни, ошибок, за которые всегда приходилось расплачиваться? Зачем было ВСЁ? Неужели только для того, чтобы в один прекрасный день остаться в своей постели и отказаться продолжать привычное и никому ненужное существование? Умершие близкие, подросшие дети, пропавшие без вести друзья. Миллионы безвестных жизней, питающих и уничтожающих эту землю, стонущую под игом бесполезной ноши...

Я пролежал до вечера. Это было похоже на сон и медитацию одновременно. Несколько раз меня охватывало состояние, которое можно было бы назвать пограничным. Я шёл по узкой тропинке, с одной стороны которой была привычная реальность, а с другой — всё, что таило в себе неизвестность. Даже цвета на той стороне не походили на наши. В каждом из них было намешано столько оттенков, что никаким вербальным описанием невозможно было передать их цветовую гамму. Да и очертания едва поддавались логическому обоснованию — они всё время менялись, приобретая новые и новые формы, так что глаза не успевали зафиксировать то, что могли послать мозгу в качестве очевидной информации. Казалось, всё, что жило и двигалось на той стороне, было лишено всякой очевидности. Так вот он какой, другой мир, — подумалось мне, — ничего определенного, всё движется и перетекает друг в друга. Мне ещё немного мешала привычка делить мир на формы с чёткими линиями, но я уже начинал получать удовольствие от этого состояния непрерывной текучести и всепроникновенности.

И тогда я подумал: будь что будет — и шагнул. И первым ощущением была её радость навстречу. Тайна приоткрылась.

КАЛИМБА ДЛЯ НИКИ

С тех пор, как она упала, прошел почти месяц. Куплю новую, — обещала себе женщина, в чьем имени соединились ноты камертона и астрологический знак Близнецов. В калимбе, вернее, её разновидности — сансуле, эта нота повторялась трижды с промежутком в октаву и обертонами настолько насыщенными, что даже ей, человеку с музыкальным образованием, слышались иногда разные ноты. Когда она попала в руки к Ляле, наступило лето, а значит, день её рождения. Она извлекла первые звуки — и жизнь, как будто поставленная на некоторое время на паузу, вновь повернулась к ней лицом, прислушалась к её желаниям и открыла свои объятия.

Последним, кто прикасался к инструменту до падения, была её подруга. В чудо её приезда Ляля не верила до последней минуты. Всё было против: недавняя операция, съемки на телевидении, от которых той пришлось отказаться, дорогой билет, взятый в последний момент. Но её подругу не могли остановить никакие препятствия. Ляле, конечно, тоже пришлось кое от чего отказаться, но всё это выглядело так мелко по сравнению с жертвой, которую принесла её дорогая Ника... Светская львица, востребованная повсюду, нажала на паузу и выбрала её скромное жилище для отдыха перед прыжком...

Лялю распирало от гордости — она увидит ту, чья жизнь была для неё образцом мужественности и женственности, чьему примеру она могла бы последовать, не задумываясь о своих возможностях, кто подарил воскресное имя её дочери! О, как ей хотелось походить на неё: спасать других, вмешиваться в драку, останавливать пулю преступника! В детстве она задавалась теми же вопросами по отношению к Зоей Космодемьянской, идущей на пытки во имя светлого будущего. Со временем, оставившем на её теле некоторое количество шрамов, ей перестала нравиться роль жертвы, но когда она узнавала о необыкновенных приключениях своей подруги, снова смотрела на неё снизу вверх с открытым ртом.

Ника прилетела днем со следами бессонной ночи на лице и после небольшой прогулки заявила, что будет спать до утра. К полудню следующего дня Ляля начала волноваться: она никогда не видела, чтобы кто-то спал четырнадцать часов подряд. Надо же, какая она изможденная, высосали из неё все соки, ну ничего, отдохнет у меня. Накануне Ника рассказала, что одновременно со своими пациентами, ей приходится следить за психическим и физическим здоровьем внука, оплачивать ему врача, отвечать на полные отчаяния смс...

В два часа дня Ляля забила тревогу — подруга казалась бездыханной — и решила разбудить её самым приятным образом: она взяла в руки калимбу, села возле кровати и начала играть. Та мгновенно открыла глаза и стала озираться по сторонам. Наконец она определила источник звука и расцвела на встречу:

— Вот это да! Я, наверное, на всю жизнь запомню, как ты меня разбудила!

Ляля всегда вспоминала об этой сцене с улыбкой. Она думала, что такого человека ничем не удивишь, а тут вдруг простым пробуждением звуком...

— Я у тебя расслабляюсь: сплю, кушаю сладости, гуляю...

Расслабиться до конца всё же не получилось. В подруге бурлила неиссякаемая энергия, которую невозможно было притупить никакими болезнями, бессонными ночами и бесконечной работой с больными людьми. За шесть дней своего пребывания она умудрилась соблазнить Лялю на две поездки.

— Я что, сюда приехала, чтобы дома сидеть? — удивилась она, когда Ляля намекнула на то, что той нужен отдых. — У меня этого удовольствия достаточно. Сижу и говорю целыми днями с пациентами. Говорю и говорю. С ума можно сойти!

— Настоящие каникулы! — восхищенно лепетала Ляля, привыкшая себе во всем отказывать и кочующая вместе с заядлой путешественницей из поезда в новую квартиру и из квартиры в такси. Шесть дней пролетело в дорожных беседах и кофейных паузах.

Когда Ника уезжала, у Ляли на глазах стояли слёзы. Она крепко прижалась к ней, не желая отпускать. Подруга вторила:

— Да, прикипела я к тебе... Ничего, скоро увидимся.

Ляля вернулась в опустевшую квартиру. К слову сказать, квартира была не совсем пустой: на полу валялся забытый

платок, на столах — бутылки с водой, капсулы с лекарствами и полотенца, ванна наполнилась туалетными принадлежностями, не говоря уже о многочисленных подарках, которыми Ника завалила пространство гостеприимной квартиры. Когда она уехала, Ляля поняла, что нет ни одной комнаты, в которой не осталась бы вещей Ники. Её было так много, что когда она покидала обжитое место, последнее походило на покинутый впопыхах город.

Муж и дочь вернулись накануне, чтобы присутствовать при прощальном ужине, и теперь недоуменно посматривали на сцену прощания. Когда черный силуэт исчез, муж не выдержал:

— Ты что, её больше, чем нас любишь?

Дочь, как будто почувствовав конкуренцию, беспрестанно цеплялась за руку, обнимала и целовала свою маму, чуть ли не похищенную этой почти незнакомой для неё женщиной. Ещё бы, кому-кому, а ей угрожала реальная опасность: накануне за столом Ника сурово посмотрела на неё и добавила очень тихо:

— Если бы мой ребенок позволил себе так вести за столом, я бы давно уже выставила его из комнаты.

В аэропорту, она неустанно повторяла:

— Не позволяй ей садиться тебе на шею. Я вижу, как она по кусочкам тебя съедает. Она уже взрослая и должна понимать, кто её мама и не только не мешать, но и помогать тебе в работе. Мой сын до сих пор благодарен мне за то, что я прощалась с ним вечером очень рано и садилась за письменный стол. Мама, только благодаря твоему примеру я стал тем, кем я стал,— говорит он мне теперь. Она может ложиться спать одна, а ты можешь работать в это время. Ты поняла? Борись за свое место. Не уступай.

Ляля посмотрела на полку, где стояли книги, принадлежащие её перу: самый любимый — «Психоделия» — исчез. С этим романом было связано рождение её дочери. Именно в нём на последних страницах Ляля нашла её воскресное имя. Ника также неоднократно намекала, что участвовала в рождении не только высланной книгой. О подробностях Ляля должна была догадаться сама. У неё осталось довольно тяжелое воспоминание, связанное с этим периодом, мучавшее её много лет. Книга была прочитана, имя выбрано, а через неко-

торое время с ней случился приступ спаечной непроходимости такой силы, что по истечении двух суток, когда надежда на жизнь была исчерпана, она позвонила из больницы женщине, заменившей ей умершую мать, чтобы попрощаться. И та в сердцах выкрикнула: *Не умирай! Ты ещё такая молодая! Я беру на себя твою смерть!* Наутро приступ чудесным образом прошел. Но по прошествии трех лет женщина скончалась, и Лялю ещё долго мучали приступы совести: зачем она ей позвонила тогда и позволила произнести эти страшные слова?

— Ну, знаешь, меня ещё никто не упрекал в воровстве собственных книг, — развеселилась Ника, когда Ляля, обыскав всю квартиру, наконец, позвонила подруге. — Моя книга действительно находится на первом месте по краже в библиотеках, но чтобы я сама.... Там была подпись?

Ляле показалось, что если она вспомнит слова посвящения, она прояснит что-то важное...

— Не расстраивайся, я передам другую. Честное слово, если бы не знала тебя много лет, я бы обиделась, — подытожила подруга.

Ляля вспомнила, что накануне её приезда к ним приходил массажист, хваставший неоднократным посещением психиатрической клиники, и его очень заинтересовала именно эта книга. Но человек, который брал совсем условные деньги за свои услуги, считая, что врач должен помогать, а не зарабатывать, поскольку он ничего не теряет, если подключен к божественному каналу, скорее попросит, чем украдет. Тем более, что данная им «Книга духов», ставшая для него настольной, вот уже полгода бессовестно покоилась непрочитанной на полке Ляли, переставшей читать последнее время.

В лялиной памяти всплыла ещё одна картинка: в городке, куда они отправились на следующий день после приезда Ники, они вышли побродить по городу в поисках еды.

— На этой улице ничего нет, — категорично заявила Ника и решительно зашагала в сторону шумного авеню.

— Ну почему же? — удивилась Ляля, обожавшая безлюдные улицы, — смотри, она достаточно длинная и там вполне может находиться недорогая кофейня. — Через несколько минут она прибежала на место, где оставила подругу. Та терпеливо ждала.

— Есть! Я как чувствовала! Всё меню — первое, второе, десерт, да ещё и вино — двенадцать евро!

— Ты забыла, что я не пью, — улыбнулась Ника, но покорно поплелась за Лялей, с энтузиазмом шагавшей в сторону заведения.

В ресторане, скорее походившем на столовую, их встретили довольно неприветливо:

— Садитесь сюда и ждите. К вам подойдет.

Ника опустила за столик и опустила глаза, стараясь не смотреть по сторонам — она была явно недовольна. Ляля радостно озиралась по сторонам в поисках меню. Она то и дело натькалась взглядом на странных людей, молчаливо подававших одинаковый набор продуктов. Через некоторое время она стала замечать, что обедавшие были на редкость некрасивы, а ещё через некоторое время — то, что Ника как опытный специалист заметила с первого взгляда: эти люди были душевно больными. Что-то мне здесь совсем плохо, — говорила та всем своим видом, но упорно продолжала молчать.

— Прости, я тебя привела туда, откуда ты стараешься уйти. — Ляля вспомнила, как Ника совсем недавно была приглашена в психиатрическую клинику, где она в течение месяца работала с душевно больными людьми. — Пойдем отсюда.

— А тот, что напротив, просто успел отсосать у меня энергию, — шепотом призналась подруга.

— А зачем ты делишься, если не хочешь? — удивилась Ляля.

— Да как-то автоматически получилось, посмотрела — ему нужно, я и дала, а потом только почувствовала.

— Ну почему же ты мне сразу не сказала? Я бы тебя не потащила на эту улицу.

— Я тебе сказала, а ты мне не поверила. Забыла, кто я? — она вымученно улыбнулась. — Если я тебе говорю, что не стоит идти этой улицей, значит не стоит, а насиловать твоё желание я не могу.

Ляля заторможено уставилась на часы перед комнатой, где жила её героиня — стрелки остановились.

— Нужно поменять батарейку, — муж решил все метафизические проблемы очень простым способом. А Ляля направилась к письменному столу и написала вдогонку той, с которой только что попрощалась в аэропорту:

Ты улетела — и стрелки на циферблате над твоей комнатой остановились. Тобой измеряю мое безвременье, мое прошлое, настоящее и будущее и все самое настоящее, что случается в моей вселенной. Тобой измеряю величину моей Вселенной. Волшебная женщина, чьей дружбой я награждена, как даром, подарившая мне несколько мгновений своей богатой событиями и людьми жизни. Мгновений, показавшихся эпохой.

Стрелки часов остановились и некоторое время не впускали в поле жизни ни одного человека. Ляле очень хотелось поделиться своим состоянием хоть с кем-то, но даже консультации по скайпу срывались одна за другой — то ломался телефон, то строительные работы мешали слышимости. Через некоторое время ей удалось встретиться с единственным другом. Она захлебывалась от восхищения, рассказывая о своей гостье, а тот только внимательно слушал.

— Вот такие у меня подруги, — с гордостью подытожила она. И добавила: — Знаешь, когда я думаю о людях, которые меня окружают, я могу с уверенностью сказать, что жизнь состоялась. У меня такой прекрасный период последние полгода, что хочется воскликнуть: *Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!* — и ничего не менять. Хотя я, конечно, знаю, что не нужно надолго застревать в зоне комфорта.

— Конечно, — подхватил её собеседник, — нужно все время двигаться и совершенствоваться, иначе реальность предъявит тебе сюрпризы, к которым ты совсем не готова. И, как правило, это очень болезненные уроки.

Они сидели в уютном ресторанчике и поедали устриц. Ляля продолжала лепетать не о себе: о том, как её подруге удалось задержать на улице преступника, и как она чуть не поплатилась за это жизнью, как она прикрыла грудью пациентку, а потом легла из-за ранения на операционный стол, как спасала раковых больных и помогала рождаться детям... Всё это не мешало ей быть обворожительной интеллектуал-

кой, проглатывающей научные книги, на чтение которых у Ляли не хватило бы целой жизни, и выглядеть вечно юной, как богиня. Инициация, — решила про себя Ляля, но воздержалась от лишних вопросов. Ей хватало того, что её подруга была легендарной героиней увлекательнейшего романа, который она читала, время от времени погружаясь в её книги. Сила влиять не только на людей, но и на предметы, появилась у неё с рождения. И только потом она узнала, что в современном мире это называется парапсихологическими способностями.

Что касается самого образа жизни, то Ника, казалось, действительно не могла обойтись без приключений. Адреналин был необходимым компонентом её природы, и она нуждалась в нём, как другие — в витамине С. Но поле, на котором она так естественно нашла себе место, последние годы всё больше походило на военное. Как она пришла на войну, до конца ответить не смогла бы даже она сама. Наверное, это произошло естественно, когда последние годы она стала работать со страдающими людьми и зона риска стала её родным домом. На войне она чувствовала себя по-деловому, сосредоточенно и раскованно. Пуль она не боялась, ранений — тоже. Она шла по полю боя с жертвенностью санитара, который помогал раненым и очищал пространство от страданий. Как странно сочетались в этой женщине мягкость и сила, предельная организованность и спонтанность. Она могла сорваться с комфортного места и поехать на край света к тому, кто в ней нуждался при условии, если он оплачивал её потери энергии, или совершенно бесплатно к тем, кого она любила. Она могла сесть на метлу и преодолеть любые расстояния.... Ведьма, — кричали ей вдогонку восхищенные поклонницы. И она хохотала оттуда, сверху, изредка опускаясь и даже приземляясь для очередного реверанса, давая возможность фотографу или художнику запечатлеть её в силе и славе. Она позировала изящно и тщательно — она любила нравиться.

Она улетела — и в воздухе зависла предгрозовая пауза, такая тихая, что слышно было, как два любящих сердца стучат в унисон на расстоянии тысячи километров, сначала тихо, а потом всё сильнее, напоминая мины замедленного дей-

ствия. И в радиусе лялиного дома стали раздаваться взрывы от снарядов: то звонил папа и сообщал о смерти двоюродной сестры, то звонила знакомая и рассказывала, как её муж борется с раком, то умирал старый приятель. А потом пули стали пролетать так часто, что Ляля перестала понимать, кто свои, а кто враги и едва успевала спрятаться в траншею. В голове стучало, как после контузии. У дочери который день держался жар, а родная тётя, попавшая в больницу по скорой помощи, еле дышала в телефонную трубку... Отовсюду сыпались удары упреков и мелкие камешки неудач, ссоры, дорожные штрафы и поломки. Окончательно потерявший память дядя, выплыл из небытия вопросом об оплате клиники. Редкие дни проходили без плохой информации.

Думая обо всем этом, она продолжала вести машину.

— Зачем я туда еду? — переключилась она на сегодняшний день. — Я же пообещала телу отдохнуть, как только вернусь. — Голова кружилась, как бывало с ней, когда она не выспится. Сегодняшняя неудачная встреча в агентстве авторских прав красноречиво говорила о том, что она идет не тем путем, вернее — едет. Но как неудобно перед теми, с кем она наметила план действия ещё два месяца назад и начала его воплощать... И вдруг затормозила...

— Тебе не стоит заниматься организацией театра, — стучали в голове слова Ники. — Тебе вообще противопоказана работа с людьми, если эти люди — не зрители. Ты человек слишком тонких вибраций. На сцене — это другое дело, там ты не работаешь с каждым конкретным человеком, в поле которого ты попадаешь, как я. Я изнурена за эти семь лет, я больше не могу. Ты думаешь, я бы работала с больными, если бы мне не приходилось зарабатывать? Мне их, конечно, жаль и это не только моя работа, но и моя миссия. Во всяком случае, так говорит мой бывший. Сажусь писать, а в голове его слова: *Книги пишут все, лечи людей!* — И я не пишу, понимаешь?

— Я бы сказала наоборот: сейчас все лечат, а книгу твою за тебя никто не напишет. Тебе же давался шанс не работать! В виде того, кто тебя обожал, — ступила Ляля на запретную территорию и почувствовала, как в её подруге, умеющей считывать мгновенно всю информацию, идущую от собеседника, поднимается десятый вал чувств, готовый накрыть их обеих.

— Прости, я не имею права вмешиваться в твою жизнь, — поспешила добавить Ляля. Она действительно раскаивалась в том, что переступила границы.

— Да. Я не люблю, когда меня воспитывают. — Чувствовалось, что той понадобилось усилие, чтобы усмирить свой гнев. — Я не хочу больше возвращаться к этой истории. Я потеряла тогда слишком много энергии.

— Больше не буду.

— А книгу я обязательно напишу, — вернулась Ника к наболевшей теме. — Такую, которая сама пробьет себе дорогу... Всё остальное — преходящее. А театр — вообще вчерашний век. Сейчас все в интернете сидят. Тебе нужно осваивать более современные методы воздействия... Но и это пройдет. Вечное — это поэзия, музыка... Пойми, у тебя природа артиста, а не организатора!

— Да я тоже почти не пишу последнее время, — не то жаловалась, не то оправдывалась Ляля, которая понимала подругу с её тоской по вдохновению и хотела быть солидарной с ней во всём.

— Вот уеду — и будешь писать, — уверенно и великодушно произнесла Ника, как будто одаривая её вдохновением, и заговорщически подмигнула: — Если хочешь, можешь написать книгу обо мне, а я тебе надиктую разные интересные истории на диктофон... Но это будет, конечно, твоя книга. Вообще-то, эту идею мне подкинула издатель, которая прочла один из твоих постов. Она сказала, что обо мне должна писать только ты. Но я ей ответила, что у тебя нет времени и ты, к тому же, такое напишешь!!! — Ника улыбнулась...

— Да, я действительно могу написать о тебе *такое*, что тебе совсем не понравится — и ты снова не будешь со мной разговаривать. Ты же лучше меня знаешь: начнешь писать, а потом тебя заносит туда, куда ты сама не ожидаешь...

— Не-е-т. Я теперь совсем другая. Я уже так не обижаюсь, как раньше, — и Ника засмеялась.

— Но я не отказываюсь. Может, когда-то у нас и получится, — после некоторого раздумья предложила Ляля.

— Вот поедем с тобой куда-нибудь — там и будем писать. — Ника задумалась: — Главное сейчас не наделай глупостей. А то снова вляпаешься в какую-нибудь историю...

Кто бы говорил, — с улыбкой подумала Ляля, вспоминая невероятное количество несуразных историй, в которые попадала её подруга, и в которых всё казалось вымыслом, если бы Ляля не знала, на что та способна... Она знала, что Ника — волшебница, хотя никогда не обращалась к ней даже в самом тяжелом состоянии, поскольку была убеждена, что с друзьями работать нельзя, а злоупотреблять их помощью — тем более. К тому же, Ника общалась с ней как с равной, никогда не показывая в чём-либо своего превосходства, а наоборот, подчеркивая, где только возможно, сильные стороны своей подруги.

Ляля согласно закивала головой: да, она знала, что малейшее вторжение чужого мира влияет на её собственный... Однажды она прошла тест и консультацию по хьюмен дизайну и оказалась в числе рефлекторов, занимающих всего один процент среди прочих людей. Это были люди, способные отразить то или того, кто находится напротив них с зеркальной точностью и помочь другому найти себя самого в отражении. Но у рефлекторов было очень уязвимое место: они могли впитать в себя как хорошее, так и плохое. И Ляля знала, что с людьми ей нужно быть очень осторожной, хотя в общении с ними часто об этом забывала.

Она догадывалась, какую цену может заплатить за свой проект. Но, в конце концов, лучше сократить жизнь на несколько серых лет прозябания и отдать силы на то, чтобы её цель осуществилась, чем жалеть потом о том, что она отказалась. Как будто считывая её мысли, Ника возражала:

— Зачем тебе это? Денег не заработаешь. Мужа разоришь. Силы потеряешь. И откуда вообще такая идея?

— Я тебе рассказывала, я полтора года работаю с коучем... — Она знала, как Ника относится ко всем тренингам личностного роста, но ничего не хотела скрывать от близкого ей человека. — Она и помогла мне вспомнить о моей мечте.

— Ну, работай, работай, — милостиво согласилась Ника. — А впрочем, попробуй, — неожиданно воодушевилась она, как будто почувствовав внутреннее сопротивление себе-седницы. — Но лучше ищи спонсора, который увлечется твоей идеей. Выходи в люди, общайся, не сиди дома. Так ты выйдешь на нужные контакты. И сохранишь в себе артиста. Но помни, что прежде всего ты — Богиня!

Ох, как хочется спать! — гудел внутренний голос избалованной богини, но Ляля упорно ехала на встречу. Сегодня она впервые надела платье, подаренное Никой. Черное, красивое, стильное, как её подруга.

— А если у тебя будет встреча с нужным человеком, ты что, скажешь ему, что ты не можешь встать? — снова всплывал голос Ники. — Что ты не здорова? Даже если не скажешь... Это же считается! Я с тобой не как врач сейчас говорю, а как подруга, которая знает тебя больше пятнадцати лет...

— Но знаешь, последний год я чувствую себя совсем по-другому. После той операции, я тебе немного рассказывала, помнишь?

Ника промолчала.

— Поэтому я и пригласила тебя, и настаивала на встрече... — поспешила добавить Ляля.

— Так ты пригласила меня поделиться энергией?!? — от удивления Ника остановилась и голос её стал таким мягким и пушистым, что Ляле оставалось только подтвердить. Она представила, как эта идея может впечатлить ту, которая привыкла видеть себя всё время чьим-то донором, и гордо улыбнулась своей новооткрытой силе. Возможно, Ника потому и приехала, что почувствовала в ней то, чего в этот момент не было в ней самой. Она бы никогда не остановилась у неё в доме, если бы Ляля оставалась слабой, как в прежние годы. Она сама была ослаблена после непрерывных лет работы с больными и нуждалась в подпитке. Неужели у меня получилось поддержать ту, которая всю жизнь поддерживает других? — радовалась растроганная Ляля.

Неожиданный удар прервал воспоминания о недавнем разговоре и заставил резко затормозить. Из маленького грузовичка, не торопясь, вышел недовольный мужчина:

— Вы что, не видели, как я выезжал?

Ляля вышла из машины, ещё не понимая, что произошло.

— Хотите, я буду вашим свидетелем? — женщина лет шестидесяти выплывшая неизвестно откуда, сочувственно смотрела на поломанное крыло и подбитую фару.

Как, однако, удивительно устроена жизнь: баланс хорошего и плохого распределен в ней ровно пропорционально.

Ангел-хранитель провела с ней около полутора часов, тщательно заполняя документы и следя за тем, чтобы атакующая сторона стерла неправильно нарисованную картинку происшествия:

— Они хотели вас обмануть, — повторяла она.

Ничего непонимающая Ляля только кивала в ответ и эльфийски улыбалась, стоя напротив правого крыла машины, подбитого и перекошенного. Как раз с той стороны, где сидела не так давно Ника, — подумала она. — Ну вот, снова не поеду за её подарком: то работа, то ребенок, то машина... Как, однако, странно, что способный принести радость дар, никак не может попасть в мои руки. Как будто не хочет. Ника передала ещё одно платье, хотя Ляля не успевала носить свои, и книгу, с которой был связан самый грустный период их отношений: несколько лет назад без всяких объяснений та оборвала их общение после того, как Ляля вовремя не прочла её новую книгу. А когда она, наконец, её прочла, то написала несколько невыразительных фраз, совсем не тех, что от неё ожидали. Она послала вдогонку много объяснительных писем: у неё действительно была очень сильная послеродовая депрессия и все силы уходили на борьбу за физическое выживание. Когда подруга перестала отвечать ей на письма, она проводила вечера и ночи, полные слез, писала ей на все адреса, чтобы извиниться, хотя не понимала, за что именно, но та, по-видимому, её заблокировала. Она умела быть непреклонной с людьми и легко вычеркивать их из жизни, а потом появляться, как ни в чем не бывало. В этот раз она появилась как раз тогда, когда Ляля нашла в себе силы оторваться от прошлого, обрести утекающие в никуда жизненные соки и повернуть потоки вспять. Ника прилетела, как бабочка на огонь, который неожиданно зажегся в тлеющем фитильке лялиной жизни.

Однако, — продолжала размышлять Ляля, осторожно управляя подбитой машиной, — что-то многовато для одного месяца: калimba и машина, штрафы и отказы, болезни и смерти... Как впрочем, и в ноябре прошлого года, — убеждала она себя. — С той лишь разницей, что в этом году умирали те, кого Ляля хорошо знала. И эта боль в груди, и этот странный стук в голове — вспышками, которые появлялись ниоткуда и как будто напоминали о чём-то важном.

— Давайте подождем со сканером. Почему вы сразу думаете о худшем? — улынулась терапевт.

Она не могла признаться, что единственным объяснением было воспоминание о том, как она выскочила на кухню в тот момент, когда её подруга прервала сеанс исцеления, чтобы передохнуть, села на стул и заплакала:

— Я больше не могу делиться моей энергией с больными. Они меня сожрут. Особенно сейчас, после операции.

А ты разве не подключаешься к каналу, когда работаешь? — хотела спросить Ляля, но только успела взять её голову в руки и прижать к груди её боль.

— Ну вот, полегчало, — быстро успокоилась та, — иду продолжать.

А Ляля вернулась в комнату. К вечеру она немного ослабела, хотя в присутствии Ники обычно чувствовала, что может свернуть горы — настолько мощной энергетикой обладала та. И все же — бессонная ночь, голодовка во время поездки... Ника ещё накануне предупредила, что будет сегодня работать с больной по телефону:

— Не обращай на меня внимания, я, возможно, буду завтра, голодать. Мне нужно настроиться.

— Как жаль, что я не смогу разделить с тобой твой голод. Мне нельзя терять ни одного килограмма.

— Конечно, ты итак худенькая! Это же мой выбор!

— Ну, вообще-то это полезно, голодать, — подбодрила Ляля то ли свою подругу, то ли себя.

Ночью у неё случился кишечный приступ и она почти не спала.

— Ну вот, теперь мы голодаем вдвоём, — сказала она, выползая на кухню, и остановилась на полуслове: Ника с удовольствием попивала кофе с сыром.

У Ляли возникло ощущение, что это *она* настраивается на работу с пациенткой и ощутила волну раздражения за бессонную ночь, когда она так глупо хотела быть солидарной с подругой.

— Это ты *так* голодаешь? — не выдержала она.

— Ну и что, мне теперь не есть, чтобы ты меня во лжи не упрекала? — сердито ответила та.

Ляля задумалась и... упрекнула себя: в неблагодарности. К ней приезжает живая легенда, женщина её мечты и подруга

в одном лице, дарит ей увлекательную поездку, а она ожидает от человека такого масштаба, чтобы та следовала каждой букве произнесенного слова и ещё учитывала чужую психосоматику! Не лучше ли забыть о мелочах и раствориться в духе Реймского собора, куда они зашли? Как легко дышалось здесь: голова пуста, помыслы чисты, молитва льется, просьбы как будто тут же подхватываются ангелами! О чём она просила? Только о вдохновении. Она не писала так давно, она хотела снова попасть в этот поток....

— Это тебе, — Ника, всплывшая с последним стуком часов, непрерывно работающих в соборе с семнадцатого века, протянула черный браслет с крестиками. — Я его здесь купила. Надень. Он будет тебя защищать. — Ляля покорно надела браслет, но к вечеру сняла: в голове всплыла фраза: *У вас слетела защита, не носите браслетов, они закрепят вас в слабом состоянии*. Если бы она знала, что вечером он действительно ей понадобится. Но так уж был устроен её мозг: она не любила следовать инструкциям, к которым не получала объяснения, даже если они исходили от ведающих людей. Как странно, — впадала Ляля в грех рефлексии, — с тех пор, как она работает с психотерапевтом, её не покидает ощущение треугольника. В прошлом году, когда та вырывала её из родового проклятия, вырывала ценой хирургического вмешательства, подруга неожиданно выплыла из прожитых лет, прилетела в Париж, и Ляля поспешила на встречу, не веря чуду. Они провели несколько незабываемых часов, и уже после прощания от Ники вдруг раздалось предложение встретиться ещё раз, именно в тот самый день, когда было назначено решающее свидание с психотерапевтом, закончившееся операцией. Ляля была вынуждена отказаться, неосознанно выбрав путь болезненной развязки, хотя догадывалась, что подруга может помочь ей развязать кармические узлы менее мучительным способом.

Вспоминая события последних лет, Ляля неожиданно обнаружила, что почти все женщины, пребывающие последнее время в её поле жизни и стоящие почти на одинаковом расстоянии от неё, оказались целителями, психотерапевтами, шаманами, экстрасенсами и просто ведьмами. Она не совсем понимала, как попала в этот круг, где чувствовала себя вполне комфортно, пока не наткнулась в секретере на маленький билет, наподобие членского, с посвящением в сидхи. Надо же, она совсем забыла об этом эпизоде своей жизни.

— Как ты думаешь, если вокруг меня сосредоточены люди, владеющие силами, может во мне тоже живет скрытая сила, способная исцелять людей? — пыталась она ту, кто особенно выделялся из этого круга и стоял ближе других.

— Нет, — однозначно отвечала Ника. — Ты — артист. Врачуй души на сцене.

Она улетела на следующий день.

— Так вы ничего не сделали за это время по проекту? — голос был строгим и ровным, как упавшая на лицо рука, не желающая наносить пощечину, и Ляля почувствовала себя провинившейся девочкой. — С экрана компьютера на неё смотрели внимательные глаза — и ей становилось стыдно за свою праздность.

Ну вот, снова будет пугать потерей координат, — перепугалась она. — А потом посыплются плохие известия: неоплаченный старый штраф, протекающий кран, покалеченная машина, болезни близких... Как будто её страх каждый раз моделировал реальность, ставя жирную точку на дне её падения. Неужели только за то, что реализация проекта отложена и она, наконец, позволила себе впустить в жизнь немного удовольствия — встречи с друзьями, походы на выставки и концерты, покупки, посиделки в кафе, знакомство с другими городами? Она снова приготовилась к наказанию — и на следующий день получила сообщение о смерти тети. Такого ответа она никак не ожидала. После смерти матери та оставалась одной из самых любимых членов семьи, несмотря на редкие встречи. Отстранившись и немного успокоившись, Ляля увидела совершенно иную картину. Взрывы стали раздаваться гораздо раньше: тетя попала в больницу месяц назад, у дяди развивался альцгеймер последние годы, друзья боролись с раком несколько лет. Просто именно сейчас её подвели к зеркалу и указали на ту сторону реальности, от которой она отворачивалась, не в силах смотреть ей в лицо и идя по солнечной стороне улицы. Реальность, похожую на поле военных действий, где пули доставались окружению, защищавшему её плотным кольцом любви.

— Когда человек отказывается от своей цели или живет не своей жизнью, пространство вокруг него начинает деформироваться — и он попадает в хаос, — услышала она.

— А мне было совсем неплохо в хаосе, пока меня мордой в зеркало не ткнули, — огрызнулась Ляля.

— Такая у нас неблагодарная работа — помогать пациентам разобраться в системе координат. Ладно, давайте не будем паниковать и просто попросим прощения у всех, попавших в ваше поле за последний месяц и вызвавших у вас раздражение или другие негативные чувства.

Ляля насчитала около пятнадцати человек знакомых и только одну Нику, по отношению к которой она за несколько мгновений могла попасть в амплитуду, где её раскачивало от абсолютного поклонения и обожания до неожиданного осуждения той, кто ещё несколько секунд назад находился на вершине. Только её дочь вызывала в ней чувства такой же силы.

— Ну и что мне теперь делать? — удрученно спросила она у психотерапевта.

— Не торопитесь вносить чужие вещи в свой дом. И вынесите всё, что не ваше. Вы же знаете, что вам нельзя попадать в чужие вибрации.

Ляля вспомнила, что за последние три года минимум пять человек, покидая Францию, оставляли в её квартире свои вещи, постепенно превращая её в склад.

— Извини, но мне придется вынести из квартиры это зеркало.

— Но почему? — в глазах дочери стояли слёзы. — Оно такое красивое! Она же его оставила, чтобы мы в него смотрелись!

— Потому что это не подарок, а личная вещь и в ней отражено очень много боли. Я не хочу, чтобы эта боль переходила на тебя.

— Но мамочка... — хныкала дочь.

— Странно, ты вроде не привязана к моей подруге, а цепляешься за её вещи.

— Это правда.

— Потому, что она тебя поставила на место?

— Нет, потому что она очень опасная. Берегись, мама! — закончил ребенок с пафосом в голосе, направляя маленький указующий перст в сторону Ляли и выпучив на неё страшные глаза... — Мама, у меня так болят глаза...

— Вот увидишь, твоя температура скоро спадет, — сказала Ляля уверенно и вынесла то, что не принадлежало ей.

Ночью она проснулась от её крика, дала жаропонижающее и, уже засыпая, вдруг услышала: *Помоги!* Голос был утробный, исходящий от кого-то, кто находился по ту сторону. Ирочка, тётя, — узнала она и стала молиться о том, чтобы отлетевшая душа поскорее поднялось. Завтра предстояла кремация — и ей, пребывающей в этот момент между сном и бодрствованием, показалось, что если эфирное тело не успеет подняться, ему будет очень страшно видеть пожирающие огни пламени.

Потом на грани засыпания ей привиделась Богиня в сияющих одеждах, над которой сгущалась тьма. Тьма подступала всё ближе и лицо, как и всё её тело, подвергалось едва заметной деформации. Вокруг неё суетились хирурги в черных халатах и услужливо предлагали отрезать маленький кусочек тела — тот, который темнел. И она благосклонно соглашалась, сохраняя при этом улыбку. Они искусно орудовали скальпелями, так что швов совсем не было видно, но на лице Богини, где-то в уголках глаз, появлялись едва заметные красные прожилки, красноречиво говорящие о страдании. Она поминутно заглядывала в зеркало, как будто оно могло впитать в себя часть боли.

Наконец та, которая наблюдала за ней во сне, шепнула:

— Тебе грозит опасность! Выйди из этого пространства!

Богиня оторвала от зеркала уставшие глаза:

— Нет, я не могу. Я уже здесь давно. Я забыла, как возвращаться.

— Спроси. Попроси о помощи у Того, кто сильнее!

— Мне не нужна помощь. Я справлюсь. Я умею отражать удары. Смотри! — Она мгновенно преобразилась, взмахнув руками, и направленные на неё стрелы темноты отлетели куда-то вдалеку.

— Осторожно! Ты можешь нечаянно кого-то ранить этими стрелами!

— Они попадают лишь в тех, кто подставляет грудь! — с вызовом произнесла она. — Я не могу иначе, мне нужно сохранить в себе силы. А силы мне нужны для моей миссии. Если хочешь разделить со мной мою лучезарность и боль, присоединяйся. Может вдвоём у нас что-нибудь получится... — А потом, как будто передумав, добавила: — Нет, не нужно. Не приближайся ко мне. Это мой выбор. Жизнь дороже. Я сама.

Подойди, я тебя обниму на прощанье. Я тебя так люблю. Возьми этот браслет, он убережет тебя. — И со слезами на глазах она протянула руки.

Но та, что наблюдала за ней внутри сна, отстранилась:

— Нет, я не могу взять этот браслет. И не хочу брать не моё. Я больше не хочу жить не своей жизнью. Если ты сделала выбор, я оставлю тебя с ним и пойду по солнечной стороне жизни. Я не выдержу так долго, как ты, держать перед собой улыбающуюся маску, в то время, как меня будет пожирать темнота. Я не умею светить в темноте и очищать её своим светом, как ты. Я никогда не перестану тебя любить и буду за тебя молиться.

С каждой фразой её голос становился всё явственней, и последние слова она произнесла так громко, что Богиня от удивления открыла глаза. Наступало ещё одно серое утро.

Днем Ляля поехала в церковь, чтобы поставить свечку и заказать панихиду по умершим. Церковь оказалась закрытой. За дверью шумел пылесос. *Стучите — и вам откроют*, — застучала в голове забытая фраза. — И она изо всей силы заколотила о деревянную дверь. Засов заскрипел — и к ней навстречу вышел улыбающийся батюшка:

— Правильно. Так и надо стучать. Хотя мы закрыты.

— А в интернете написано, что вы открыты до пяти.

Она никогда не видела такого веселого человека в чёрном. Позже, когда они разговорились, он поведал, что всю жизнь кувыркался в цирке, а теперь проповедует.

— Я у вас всю воду забрала, — смеялась она, уходя из церкви Трёх целителей.

— Ничего, ещё осветят, — улыбка, похоже, не покидала его ни на миг.

Ночью ей приснился сон: шесть дней подряд она купалась в океане, а на седьмой отпуск закончился. Нужно было возвращаться к работе. Она проснулась в полдень. За окном стоял теплый ноябрьский день. Желтые листья, опадая, несли в себе остатки солнца, которое уже не грело, но ещё хранило память о теплой осени, подаренной так щедро и так естественно, как это случается с любимым даром, свалившимся ниоткуда. Сквозь полуоткрытые ресницы ей чудилось, что в воздухе кружатся пылинки пепла, оставшиеся от любимой

тети, покинувшей эту землю навсегда. Сонные руки потянулись к силуэту грустного инструмента и, осторожно прикасаясь к металлическим язычкам, понуро повисшим над резонатором, она услышала свой заботливый голос:

— Маленькая моя, любимая, раненая, тебе скоро станет легче.

В голосе было столько нежности, что хрупкий инструмент начинал исцеляться под любящими руками, наполняя новое утро осторожными звуками.

ЭКОЛОГИЯ ОТ ГРАФОМАНА АНТИПКИ

Ей всегда везло на массажистов...

— И вообще — на людей, — услышала она знакомый голосок и произнесла как можно строже:

— Не мешай. Ты всего лишь персонаж, обойдусь без твоих подсказок.

После такого императивного распределения ролей, она продолжила:

...И вообще — на хороших людей.

Потом задумалась и поправила саму себя:

Вернее, люди всегда поворачивались к ней своей светлой стороной. Возможно потому, что сама она, встречая других на своём пути, начинала светиться от счастья встречи и освещала восхищением их способности, которые были недоступны ей, наделённой совершенно другими дарами.

Ей всегда везло на массажистов. Но этот превзошёл все ожидания. На первом сеансе он заявил, что десять раз попадал в психушку. Убедившись, что её телу не грозит опасность, и что заточение происходило в эпоху, когда преследовалось инакомыслие, она не без сомнений доверилась чужим рукам.

На втором сеансе он очень рационально обосновал свою мысль о том, что массажист просто непременно должен уметь общаться с духами и принёс в её дом вышедшего из моды спирита, который простоял на полке полгода непрочитанным.

На третий массаж она уже укладывалась не ради самого массажа, а ради того, что ей предстоит услышать.

— Теперь, когда я тебя хорошо знаю... — начал он, а она изо всех сил сдерживалась, чтобы не рассмеяться, но как выяснилось после — совершенно напрасно, поскольку действительно услышала от него то, на что профессиональному психологу понадобилось бы несколько исповедальных встреч.

Говорил он, не умолкая, на самые различные темы: от секса, воспитания и прочих, интересующих женщин вопросов,

до экологической переработки человеческих трупов, крематориальных печей без фильтров и прочих некрофильских подробностей. От него она узнавала о жизни наркоманов и проституток, которых он массировал, о том, как коротка их жизнь, о том, какая сложная работа у элитных и как им нелегко выйти из бизнеса, отказавшись от ставшей привычной дозы адреналина.

— Стоп, — иногда останавливала она. — Я не чувствую твоих рук. Ты слишком много болтаешь.

— Ничего, я же не фиксируюсь на идее. Тогда руки останавливаются. А через меня просто проходит информация. Но могу и помолчать, — и он покорно замолчал, никак не ущемляя собственное эго, которое у него отсутствовало.

На четвертой встрече все табу были преодолены и они могли болтать обо всём на свете.

— Ну что, ты прочла мой текст? — неожиданно спросил он.

— Какой текст?

— Об экологии. Сел и написал после нашего разговора. И всем тут же разослал. Ты не могла не получить. Я его назвал «Экология от Антипки».

— Наверное, в спам попал... Обязательно прочту.

— Это отчасти благодаря тебе. Ты мне тогда сказала об отличии графомана от профессионала, о том, что графоман держится на идее, и для него стиль неважен — и мысль пошла-поехала...

— Рада, что вдохновила тебя. — Ей нравился этот сумасшедший тип, похожий на Квазимодо. Позже она узнала, что он действительно исполнял роль последнего в каком-то клипе. Ей нравилось и то, как он зарабатывал на жизнь массажами, а потом тратил все деньги на переводчиков и редакторов, приводящих его неудобоваримые тексты в мало-мальски читабельные, чтобы он рассылал их в бесконечные и безразличные организации, даже не открывающие его творений.

— Я уже двадцать лет пишу начальнику английской разведки! Я — агент номер семь.

— И что, он тебе отвечает?

— Нет, конечно. Но это неважно — не унывал он, — я лично осознаю, что им наплевать на то, что я пишу, но продолжаю свой скромный труд и делаю для пользы планеты всё, что могу. Я ведь уже тогда, после армии, придя в стены

КГБ понимал, что меня оттуда выпихнут с моими требованиями. И меня выпихивали. И не раз. В сумасшедший дом. Так что я — профессиональный шизофреник, позвольте представиться.

Леночка отлично знала, что такое шизофреник. У её старого приятеля был этот диагноз, но в отличие от Сержа, которые впервые за шестьдесят лет сдал анализ крови, тот проводил время в больницах регулярно.

— А тебе не обидно, что твои тексты остаются незамеченными? Ведь ты вкладываешь в них столько энергии и денег!

— Да, энергии я вкладываю действительно очень много. Ну ничего, мне это зачтётся там, на облачке.

— Значит, ты это делаешь для очистки совести и спасения души?

— Не совсем. Я это конечно делаю, потому что не могу не делать, потому что выполняю свою скромную миссию на этой земле и выполняю её добросовестно. А моя миссия — быть воином и бороться. Имя обязывает. Если помнишь, был такой святой Сергей Римлянин, воин, который, согласно преданию, принял мученическую смерть за открытое исповедание христианства в правление императора Максимиана в третьем веке. И ещё один другой раннехристианский святой с этим именем — Сергей Синайский, пострадавший в веке четвертом. А в средние века на Руси имя Сергей вообще использовалось духовенством. А наиболее почитаемый — игумен Сергей Радонежский...

— Так ты, стало быть, по мученической линии пошел?

— А то как же. Даже когда я борюсь на энергетическом уровне и меня не слышат сильные мира сего, я вливаюсь маленькой струёй в мощный эгрегор силы, который подпитывается такими, как я, и служит планетарной экологии, — с гордостью закончил Серж. — Но вообще-то я провокатор, — поспешил добавить он, чтобы снизить немного пафос. — Люблю вскрывать гнойные раны на теле планеты. А люди пусть сами выбирают, что с ними потом делать: лечить или позволять разрастись и уничтожить.

На последнем массаже речь неожиданно зашла об их общей знакомой, благодаря которой Серж появился на пороге её дома и приходил вот уже пятый раз.

— Если бы она ещё не общалась с этой женщиной из театра...

— Ариной?

— Ты что, её знаешь?

— Мы несколько часов назад по телефону говорили, — как можно невозмутимей ответила пациентка, которой не терпелось узнать подробности.

Сержа, похоже, её ответ вовсе не смутил и вместо того, чтобы деликатно замолчать, он начал рассказывать всё самое худшее, что знал или воображал об упомянутой им женщине, а точнее — подруге Леночки. Поначалу она слушала его краем уха, как монотонное радио. Тело удовлетворённо покоилось на кровати. Умелые руки не прерывали движений даже в моменты крайнего возмущения, так что ей не составило большого усилия воли терпеть гневные эскапады массажиста. Иногда голос Сержа становился тише и уходил куда-то на задний план: в эти моменты воспоминания накатывали и образы прошлого вытесняли войска слов, наступавшие на неё, мешающие наслаждаться реальностью и пребывать в убаюкивающей иллюзии.

Она вспоминала, как они познакомились. Её поразила тогда, что на Арине не было ни тени макияжа, розовая улыбка сияла на лице, а на ногах красовались ботинки с такими каблуками, на которых Леночка могла бы выстоять всего несколько минут и то, в далёкой молодости. Наверное, таким образом, она хотела дотянуться до себя самой. Она была невысокой хрупкой женщиной со светлыми волосами и нежной кожей младенца.

— Да ты понимаешь, что её собственные дети скоро её возненавидят? — выплывал въедливый голос.

— В те моменты, когда она заставляет их учиться? — нехотя отзывалась она. — Так моя собственная дочь тоже говорит мне, что ненавидит, когда я прошу сделать её русский... Правда, лично я видела, что у них прекрасные отношения и что она очень многое делает для их будущего.

— Но они же несчастные. Им не разрешают общаться с отцом!

— А зачем им такой отец?.. Ты что, её массирувал? — и смутное подозрение зашевелилось в ней.

— Нет, слава Богу, но я знаю того, кто работал у неё бэбиситтером, а потом директором, а когда попросил повысить зарплату, зная, какие деньги получает она сама, был отлучён от тела.

— А может она его просто разлюбила — и он наговорил тебе всё это?

— Да? А мужа своего тоже разлюбила? Отобрала у него всё, оставила без куска хлеба, ему на еду преподаватели собирали деньги...

— Так он же хотел отобрать у неё бизнес, в который она вложила всё!

— Вложила? — взревел массажист. — А откуда у неё, девчонки, были такие деньги?

— Ну, она отелем занималась...

— Борделем, а не отелем. Если бы её не спас другой влюбленный мужик...

— Ну хоть один благородный нашелся, — чуть не выскочила язвительная фраза, но Леночка оставила её при себе. Ей хотелось, чтобы Серж вложил свои силы в оздоровительный сеанс, а не в набор аргументов, опровергающих её мнение, далёкое от мужской солидарности.

Она попыталась представить подругу матерой матроной, восседающей у входа в бордель и продающей своих девочек проходящим клиентам. Но картинка заставила её улыбнуться, и у неё не получилось изобразить на лице праведное возмущение, которое ожидал от неё собеседник. Ко всему прочему она неожиданно обнаружила, что в ней умер великий адвокат — и настолько поразилась этому открытию, что пропустила очередной поток ругани.

Опомнившись, она робко подняла глаза. Не на массажиста, конечно, а на автора: не превышает ли она снова своих полномочий, беря на себя столь значимую роль. Но автор благосклонно молчал. Он ещё не разобрался во всех нюансах сюжета и предоставлял неограниченную свободу своим персонажам.

За что он её так ненавидит? — стал пробиваться риторический вопрос. Слово *ненависть* в сознании Леночки всплыло пустым образом, не наполненным ни звуком, ни цветом, ни

вкусом, но она знала, что Серж переполнен праведным гневом по отношению к окружающему миру и что для него настолько же естественно обвинение, насколько для неё — всепрятие.

В какой-то момент захотелось остановить его, закричать, закрыть ему рот, но желание присмотреться к тёмной стороне луны, пересилило. Ей хотелось охватить её всю, без остатка. Все чёрточки, все детали — от тех, что запечатлевают небо, на которых играют в прятки ангелы, до самых тёмных уголков души, куда не проникает даже пристальный взгляд, наталкиваясь на непроходимую смесь ментальной грязи, физических отбросов и удушающего запаха разложения.

И вот, наконец, у неё появилась возможность выбрать жанр для портрета этой женщины. И если не нарисовать её ускользающую натуру пастельными мазками, отдавая дань импрессионистическому умению сглаживать острые углы, если не слепить каждый изгиб её существа, отсекая непонравившееся лишнее, то хотя бы описать на бумаге. Отвернувшись от односторонности оды, не соблазнившись восторженностью дифирамба и даже не поддавшись вольному течению баллады, позволяющему двигаться в параллельном ритме и чувствовать себя свободно и связано одновременно. Конечно, это должна быть проза. Простая и сложная, как сама жизнь, позволяющая рассмотреть все грани персонажа под микроскопом воображения...

— Эй, — вмешивается на этот раз автор, — давай без пафоса. И без посягательств на мои функции! Будь скромней. Тебе придётся довольствоваться ролью персонажа и не зариться на мою территорию.

— Это ещё почему? — пытается бунтовать персонаж.

— Да потому, что я тебя сейчас просто возьму и сотру. И не будет тебя больше в моём рассказе, в компьютере и даже в моей, богатой на выдумки голове.

— Ну ладно, ладно, — поспешно и примирительно соглашается героиня. — Я останусь Леночкой, твоей глупенькой, наивной девочкой, смотрящей на мир широко открытыми глазами.

— Так что, ты мне теперь прикажешь судить человека за его прошлое? — наконец не выдержала лежащая.

— Какое прошлое? — взорвался Серж, и руки его стали жёсткими и костлявыми, больно впиваясь в тело. — Я тебе говорю про настоящее! Она на днях его с работы пригрозила выгнать. Только потому, что он стал набирать авторитет и ей это не понравилось...

— Ну, не совсем за это...

А ты откуда знаешь? — хотел спросить он, но автор передумал: героиня должна быть неведающей, незаинтересованной и недалёкой.

— Я знаю, что в тебе нет осуждения, — с какой-то обречённостью в голосе произнёс Серж.

— Тогда зачем мне всё это рассказываешь?

— Просто предупреждаю. Чтобы в один прекрасный день ты не оказалась напротив психиатра, как мой друг. Она может кинуть кого угодно. Даже самых близких.

— А почему она должна меня кинуть? Меня с ней не связывает никакой бизнес.

— А что тебя с ней связывает? — удивился Серж.

— Мы просто дружим, — тихо, но решительно произнесла Леночка. Не хватало ещё, чтобы чьи-то слова повлияли на её собственные чувства. — К тому же, по твоим словам, она приносит горе только мужчинам. Я видела, как она относится к няне, которая воспитывала её детей и которую она материально поддерживает, возит на курорты, одевает и обувает...

— А... эту воровку?

Прямо прокурор какой-то... — Леночка промолчала, вспомнив, как у неё пропало то десять, то двадцать евро, когда она останавливалась в доме Арины и няня делала уборку, но ей бы даже не пришло в голову обвинять в своей рассеянности кого-то другого.

Серж выдержал паузу. В это время он внимательно всматривался в свою пациентку.

— А ты знаешь, что она бисексуалка? — выдвинул он свой последний козырь.

— Знаю, конечно, — как можно невозмутимей произнесла Леночка, которая неожиданно для себя самой вдруг начисто позабыла, что такое бисексуалка.

— И что она разбила уже три семьи, знаешь?

— Не знаю, — искренне призналась та. И почему-то расстроилась, вспомнив, как насмешливо Арина отзывалась о её собственном муже.

— Она уводит жён от мужей, — хладнокровно продолжал Серж. — Сначала их влюбляет в себя, а потом бросает.

Леночке стало совсем грустно. Она сразу представила себя, брошенную сначала своей подругой, а потом оскорблённым мужем. Она представила, как сидит под церковью, прижимая к груди маленького ребёнка, с протянутой рукой — и почти заплакала, но вовремя вспомнила, что её дочери недавно исполнилось девять лет и что она, вероятнее всего, не усидит в её объятиях больше минуты. А ещё она очень чётко поняла, что бросить её невозможно, поскольку бросают то, что было использовано и употреблено, а она не стала игрушкой в чьих-то хищных лапках.

Нужно признаться, Арина обладала всеми средствами обольщения. У неё был мягкий голос и вкрадчивые жесты. Она умела заботиться о своих близких и о тех, кто окружал её, с необыкновенной грацией и естественностью. У неё был безупречный вкус, и она искренне любила искусство и артистов, что льстило самолюбию подруги. У неё был необыкновенно высокий коэффициент интеллекта, так что Леночке иногда казалось, что та на голову выше всех, несмотря на маленький рост, и, слушая её рассуждения, она восхищалась ею неподдельно, бурно и безмерно. Со свойственной только ей улыбкой, она пела и говорила на нескольких языках, всегда об интересном и высоком, за исключением тех случаев, когда выпивала больше двух бутылок шампанского и на поверхность разговора произвольно всплывали пузырьки отборного мата. Однажды она пришла к Леночке в гости в наряде, в котором звезды выходят на сцену, а дорогие проститутки, подражая им, принимают клиентов.

— Вау! Тебя не изнасиловали по дороге? — только и поинтересовалась Леночка.

Та презрительно фыркнула и удовлетворённо улыбнулась, отлично понимая, какое впечатление произвела на подругу, в очередной раз скрывшую своё восхищение за циничным юмором.

— Да она и через тебя перешагнёт в один прекрасный день! — не унимался массажист, переворачивая её покорное

тело животом вверх. — Такие люди, как она, нуждаются в таких, как ты — открытых и наивных, смотрящих на них восторженными широко открытыми глазами. Она холодная, злая и расчётливая, — продолжал он, натирая её ноги маслом, — Она не может любить. Она всё и всех покупает.

Слова отскакивали, как игрушечные пули, не задевая сердца. Пациентка с нетерпением ждала окончания массажа.

— Нужно посмотреть, что он там пишет, — сказала сама себе Леночка, когда тот вышел из комнаты, и действительно обнаружила в спаме отправленное им неделю назад письмо под названием «Экология от графомана Антипки». Введение было посвящено размышлению об отличиях писателя и графомана. Ага, подумала Леночка, пригодились, стало быть, наши беседы.

Писатель это обученный, одипломленный, едущий по правилам водитель авто-мото транспорта... А графоман — это человек, самостоятельно овладевший правилами запуска двигателя автомобиля, умеющий только переключать передачи и давить на газ, всё остальное для него не важно, на всё остальное... воля божья. Короче, Шумахер... до первого камня. Правда, я уже мчусь 35 лет, слегла царапаясь...

Графоман всегда одержим собственной идеей, его дело высказать свою мысль. Правильная она или нет, актуальная она или нет, ему по барабану... Он буревестник некоего несчастья, может и своего личного с последующим попаданием в психушку. Им может оказаться и безграмотный революционер. Эмоционально, без попадания в логику дерущий глотку на баррикадах. Но... он так же представляет собой единицу революционной массы, мечтающую скинуть с престола аристократов только потому, что им хочется... пожить их добром, — читала она, пока автор вышеупомянутого опуса переодевался и мыл руки.

— Лучше горькая правда, чем сладкая ложь, — продолжал Серж, выходя из ванной, так, как будто он всё это время не прекращал разговора, начатого час назад, — а то ты так в розовых очках всю жизнь ходить будешь. Ну всё, Наполеон домашний, иду переделывать мир, — улыбнулся он на пороге.

— Нет. Лучше розовые очки, — окончательно выбрала Леночка, но не посчитала нужным рассказывать о *той*, с кем встретилась она.

Он говорил о женщине из прошлого, а значит не о той, которую она знала сегодня. Даже если это прошлое относится к ещё не закончившемуся лету. Ибо в каждый момент своей жизни мы меняемся. И невозможно поручиться, что тот, кто ещё вчера сделал шаг в ином направлении, сегодня не вычеркнул из своей биографии вчерашний день.

Поэтому Леночка не стала посвящать массажиста во встречи с той, кого он разоблачал так красноречиво. Она закрывала глаза и вспоминала весёлые походы в театр и на выставки, совместные дни рождения, наполненные гитарным звоном и шумом вылетающих пробок, вечера поэзии, на которых Арина была неизменным зрителем и опорой. Она оставалась лежать до тех пор, пока под закрытыми веками не всплыли мельчайшие подробности прошлогодней поездки с детьми на отдых. А ещё — букет простых ромашек, привезённых Ариной в больницу за несколько минут до операции, впитавших боль, а через несколько дней без сожаления вынесенных из палаты вместе с вазой, напоминающей саркофаг. Всё это было настолько ярче, теплей и благодарней услышанного сегодня, что вскоре перекрыло негативный поток, обрушившийся на её неприспособленное к отражению ударов тело.

Тело ещё пребывало в нерешительности: получило ли оно сегодня оздоровительный массаж, когда сама Леночка вдруг просияла, неожиданно открыв, что она возможно единственная, кто не связан с подругой никакими обязательствами, будь то работа или деньги. И никакой зависимостью, будь то секс, родственные узы или долги, и что именно эта независимость делает её притягательной в глазах последней...

— Не расстанусь, — твёрдо решила великодушная Леночка. — А то она совсем пропадёт без меня... С кем она ещё по душам поговорит, если все у неё работники да любовники?

— Да она тебя за юродивую держит, — как будто услышал её мысли Серж, — а попробуй ты ей показать, что ты тут настрочила про неё, она тебе сразу свой звериный оскал покажет и отправит тебя подальше, как отправляла остальных. Не любит она говорить на равных. Для неё — все холуи. И вообще, что ты хочешь ей доказать, написав всё это?

— Что мне... всё равно... — Леночка почувствовала, как предательская слеза выползает на щеку и отвернулась.

— *А ты знаешь, что она очень любит поэзию?* — чуть не добавила она, но её вовремя остановил автор, не желающий наделять её ролью адвоката, защищающего подругу перед невидимым судом, или ангела, ходатайствующего за неё перед вечностью. К тому же, вся предыдущая сцена на расстеленной постели, предназначенной для медицинских, а не иных целей, никак не тянула на Страшный суд.

— *А ты знаешь, что Нерон был артистом?* — чуть было не ответил массажист на невысказанную реплику героини, но автор лишил и его права голоса: во-первых, массажисту не пристало разбираться в противоречивых характерах коварных императоров, а во-вторых, он не мог ответить вообще, поскольку автор не наделил его способностями телепатического общения. Так что две реплики хотя и вошли в текст, но при повторном прочтении рассказа, могут остаться незамеченными (*примечание автора*).

— Вот она абсолютная, сияющая... — мелькало в сонном сознании Леночки. А может быть — автора. К концу рассказа он перестал отличать свои мысли от мыслей своих персонажей и дал им ровно столько свободы, сколько требовалось для полноценного окончания повествования.

Леночке снилось, что яркая звезда внезапно оторвалась от неба, как будто сорвалась в истерике, и отчаянно стала падать, и падала так долго, как долго длился сон. А взгляд спящей терпеливо пытался зацепиться за её ускользающий свет, но вместо этого соскальзывал вместе с ним всё ниже и ниже, где не было предела падению. И откуда-то из надвигающейся бездны звучала ожившая фраза: *И упал он, сын зари*, но вместо ужаса в сонном сознании нарастало восхищение перед обилием восстающего света, который заливал комнату летним утром, давая понять, что пора просыпаться...

И тогда вместо персонажа проснулся автор.

О ВРЕДЕ ВЫГЛАЖЕННЫХ РУБАШЕК

А что, если я напишу рассказ о домохозяйке? Обыкновенной женщине, живущей домашними заботами и семьей, честно отдающей свое время рутине и нисколько не страдающей от этого? Такой женский рассказец, можно сказать — бытовой, без претензии на то, чтобы мужчина, особенно мужчина-писатель, снизошел когда-либо до его прочтения...

Лиля проснулась в полдень, посмотрела на часы и очень удивилась: за окном сиял летний солнечный день. Бывает же такое — проспять девять часов подряд! День обещал быть счастливым. Напившись крепкого чаю и собрав разбросанные дочерью вещи, она задумалась над тем, как проведет оставшееся до вечера время. Уборку она сделала вчера, с подругами наговорилась вдосталь. До прихода ребенка со школы оставалось больше четырех часов — и можно было распорядиться ими на своё усмотрение. Заглянув в комнату мужа, она обнаружила настежь открытый шкаф и рубашки, неопрятно висящие на вешалках. А ведь я не гладила их с тех пор, как родила, — отметила она про себя и решила сегодня удивить того, кто давно привык, что после стирки полусухие рубашки подолгу висят на перекладине для подтягивания и каким-то образом разглаживаются сами. Лиля решила не просто погладить рубашки, а превратить процесс в перформенс, так чтобы муж стал свидетелем её трудолюбия и оценил по достоинству её желание внести скромную лепту в его имидж. Заполнив время йогой, душем, прогулкой, магазином и наспех приготовленным ужином, Лиля провела ещё пару часов с дочерью и, подгадав время, вытащила гладильную доску. Она не ошиблась: после двух поглаженных рубашек раздался звонок. Открыв дверь и чмокнув мужа, она с загадочным видом прошествовала в салон. Заинтересованный её видом, он сделал несколько шагов вслед и застыл на пороге:

- Что ты делаешь?
- А ты не видишь?
- Вижу, но не верю своим глазам.

— Так поверь.

Муж постоял ещё несколько минут на месте, медленно развернулся и направился в свою комнату. Он всегда после работы уединялся на полчаса для отдыха. На этот раз не прошло и десяти минут, и Лиля снова увидела его на пороге салона.

— Послушай, если что-то произошло, лучше скажи мне сразу.

— А что такого могло произойти? — удивилась Лиля.

— Не знаю. Может, ты уезжаешь?... Ненадолго, — в его голосе послышались нотки надежды.

Такая перспектива Лиле понравилась. Вот уже десять лет, с тех пор, как они женаты, она никуда не выезжала без него. И ей вдруг нестерпимо захотелось свободы.

— А что, я могу уехать?

— Почему бы нет? Ребенок немного подрос. Если тебе нужно съездить к... подруге на два-три дня, я могу с ней посидеть.

— Спасибо. Я подумаю над твоим предложением, — Лиля лукаво сощурилась.

Как будто заподозрив что-то, муж пристально посмотрел ей в глаза:

— А почему ты отводишь взгляд? — неожиданно спросил он.

— А что, лучше, если я буду смотреть на тебя влюбленными глазами и прожгу рубашку?

— Рубашка — это не так страшно, как... — он осекся.

— Как что?

— Ничего, — буркнул он, развернулся и снова направился в комнату.

Но не прошло и пяти минут, как Лиля снова увидела его на пороге. Он стоял и смотрел на неё, не отрываясь. На этот раз молчание нарушила она:

— Ну и что ты мне хочешь сказать этим взглядом, Жан-Поль?

— Послушай, дорогая... В течение десяти лет ты ни разу не гладила мне рубашки. Что ты такого натворила? — он подошел вплотную к гладильной доске.

— Натворила? — Лиля оторвала утюг от рубашки — и горячий пар вырвался из него, брызжа возмущенной слюной.

Жан-Поль отскочил в сторону:

— Ты что, угрожаешь мне? — от удивления его глаза широко открылись.

— Да это же пар! Обыкновенный пар от утюга. С какой стати я бы тебе угрожала?

Он резко развернулся и быстро пошел прочь. Но через несколько секунд вернулся.

— Перестань гладить.

— Почему? Мне пару штук осталось.

— Я доглажу.

— Ну, ты же устал после работы.

— Ничего. Мужчина должен быть сильным.

— И это говоришь ты, который ненавидит домашнюю работу и упрекает меня всё время, что я недостаточно делаю по дому, бездельничая от восхода до заката?

— Выключи утюг и пойдем на кухню.

— А... Ты голоден? — засуетилась Лиля. — Как жаль, я собиралась погладить тебе на всю неделю...

Жан-Поль решительным жестом вырвал из розетки шнур, схватил Лилу за руку и потянул на кухню.

— Да подожди, я малышку позову. Мы же не будем без неё садиться за стол!

— Она подождет. Садись.

— Ты же есть хотел... — ещё пыталась возразить Лиля.

— Садись! — взревел он.

Лиля покорно села.

— Скажи мне лучше сейчас, пока я к этому готов.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— У тебя кто-то появился?

— В каком смысле?

— Ты же ненавидишь гладить. Почему вдруг ты начала гладить мне рубашки?

— Да, я не очень люблю гладить, — призналась Лиля.

— Вот видишь! — торжествуя воскликнул он. — Значит...

— Что — значит?

— Значит, ты пытаешься загладить вину!

— Вину?

— Конечно. Женщина, у которой появился любовник, пытается скомпенсировать это вниманием к мужу.

— Интересная версия...

— Послушай. Я с тобой серьезно говорю. Я переживал ещё и не такое. С моей бывшей женой я так намучился...

— Перестань нас сравнивать. Я уже десять лет слышу, как ты склоняешь её имя.

— Прости. Прости меня — и я тебя прощу.
— А за что меня прощать?
— Ты считаешь, что за измену не нужно просить прощения?
— Измену?
— Ты считаешь, что можешь спокойно изменять мужу, а потом гладить ему рубашки с довольным видом?
— У меня довольный вид, потому что я выпалась сегодня!
— И я должен тебе верить?
— Не хочешь — не верь.
— Послушай, дорогая. Если ты думаешь, что я тебя не прощу, ты ошибаешься. Я тебя люблю — и прощу.
— Какое великодушие! Люблю — и прощу!.. Давно ты мне в любви не признавался.
— Да, я бываю сдержан. Я устаю. Но ты должна знать, что я тебя люблю.
— Спасибо за информацию.
— Перестань иронизировать. Для меня супружеские отношения — это очень серьезно.
— Для меня — тоже.
— Я тебе никогда не изменял.
— Я очень рада это слышать.
— Я даже не спрашиваю, заметь, изменяла ли ты. Просто если ты хочешь принять судьбоносное решение, подумай, прежде чем это сделать.
— Хорошо, я подумаю, — ответила Лиля, ещё не решив, смеяться ей или плакать. — Не подозревала, что выглаженные рубашки помогают принять судьбоносное решение. Мы можем ужинать?
— Да, — он опустил на стул и оцепенел, напоминая неподвижный персонаж, который должен ожить чуть позже по ходу пьесы, чтобы сыграть предначертанную ему роль.
Лучше бы я приготовила что-нибудь вкусненькое, — думала Лиля. — Не такой бы контраст получился. А то действительно: десять лет не гладить рубашек и вдруг... Напрасно я его так расстроила...
Ужин прошел в полном молчании. Со стороны супружеской пары. Дочь, напротив, почувствовав свободу, лепетала без конца о подругах и школе, с опаской — о директрисе, наказавшей её за игру в мячик, и, наконец, почувствовав полную свободу — о том, что теперь нужно купить новый...

— Вы что сегодня такие молчуны? — наконец заметила она.

— Мама собирается нас оставить, — трагическим голосом произнес Жан-Поль и, пока Лиля делала ему страшные глаза, возмущенная таким неожиданным выпадом, дочь радостно ворковала.

— Ура! Наконец мы будем с тобой вдвоём, папочка! Будем играть на моей мобиле, смотреть серии — и никто не будет ворчать, что нужно делать уроки, контролировать и угрожать. Ты когда уезжаешь, мама?

— Солнышко, я ещё никуда не уезжаю, — как можно спокойней произнесла Лиля и снова сделала страшные глаза мужу. Но он итак уже понял, что не стоит посвящать ребенка в семейные драмы и снова обреченно замолчал.

— А... — разочарованно протянула дочь, которая уже нарисовала картинку райского безделья.

А ведь я могла бы его успокоить, сказать, что он любимый и единственный, что никаких мыслей об измене и об уходе у меня нет, что он просто мнительный и такой смешной. Но я почему-то молчу и дуюсь, — продолжала размышлять Лиля, с улыбкой посматривая на трагедию, разыгравшуюся в голове её мужа.

Когда все домашние улеглись и дом затих, раздался звонок. Друзья Лили знали, что ей нужно звонить поздно, поскольку её режим отличался от режима нормальных людей, встающих по звонку на работу. На этот раз ей звонил старый друг, экскурсовод Андрей Колков, с которым она созванивалась раз в месяц-два и встречалась пару раз в году на русскоязычных мероприятиях. Она привыкла, что он всегда начинал разговор одной и той же фразой: — Ну что, нашла мне невесту? — и была очень удивлена, не услышав знакомого вопроса.

— А почему ты меня не спрашиваешь, нашла ли я тебе невесту?

— Не подходят мне твои подруги, — неожиданно вздохнул он.

— Это ещё почему? Я для тебя лучших выбираю!

— Нет, лучшая для меня — это ты!

— Но ты же знаешь, я замужем, — удивилась Лиля, не ожидавшая такого поворота диалога.

— Ну и что? Оставляй мужа — и перебирайся ко мне.

— Здрасьте. Приехали... Столько лет дружим...

— Вот и пора уже дружбе плавно перерасти в любовь.

— Но я не могу так...

— Почему не можешь? Вы сколько лет вместе?

— Больше десяти.

— Вот видишь! Уже никакой любви не осталось. Нормальные творческие люди так долго не могут любить друг друга.

— Это ты творческий, а я — обыкновенная домохозяйка.

— А до замужества кем была?

— Ну, кем я только не была... Скажем — артистом.

— Вот и я о том же. А теперь в рабство себя продала. При чем, добровольное.

— Да какое же это рабство? Я делаю, что хочу...

— Да элементарное! Ты можешь, например, позволить себе взять и сорваться посреди ночи? Или хотя бы — посреди дня? Уехать, куда глаза глядят? — начал фантазировать Колков.

— Нет, конечно. У меня же ребенок...

— При чем здесь ребенок? А муж на что? Пусть посидит с ребенком.

— Ну, не все такие свободные, как ты. Он работает с утра до ночи. Устает очень...

— А когда он тобой он занимается?

— А зачем мною заниматься? Я уже большая.

— Зачем же тогда семью создавать? Ему, кстати, сколько лет?

— Пятьдесят два.

— Вот видишь! — торжествуя воскликнул Колков. — А мне только сорок девять! — привел он очередной аргумент. — И я полон сил и желаний. Буду любить тебя день и ночь.

— Мне так много не надо, — Лиля вдруг вспомнила, что не только смирилась с отсутствием бурной интимной жизни, но давно привыкла к тихому огоньку, тлеющему в семейном очаге.

— Тогда буду любить тебя столько, сколько тебе нужно, — с готовностью согласился Колков, услышав в её голосе нотки страха.

— А ребенка куда денем? — начала подыгрывать собеседница.

— А ребенок чей?

— Как чей? Наш! Мой и мужа!

— Так у вас общий ребенок? — наконец дошло до Колкова. — Бедная! Тогда ты — в ловушке, — вынес он вердикт обреченным голосом. — Как мне тебя жаль: вместо того, чтобы заниматься творчеством и дарить его миру, ты посвятила свою жизнь дому, стирке, стирке, глажке...

— Да я десять лет не гладила мужу рубашек! — вдруг взорвалась Лиля. — Что вы ко мне все пристали с этими рубашками?!

— Что это с тобой сегодня? — удивился её друг. — Я просто хотел сказать, что ко мне раз в неделю приходит уборщица и вся домашняя работа на ней, — выдвинул он свой последний аргумент. — А ты...

— А знаешь, мне нравится твоё предложение, — неожиданно для самой себя ответила Лиля и подумала: наверное, не зря муж на меня так набросился...

Утром Жан-Поль проснулся в скверном настроении: ему снилось, что пар от утюга заполняет всю комнату, пробивает потолок и теряется высоко в облаках. Потом оказывается, что в потолке уже много таких дыр, образованных от других утюгов, разбросанных на полу. И, наконец, что это вовсе не утюги, а гейзеры, каждый из которых занимает квадратный метр комнаты. Он лавирует между ними, пытаясь добраться до гладильной доски, которая всё отдаляется, не позволяя отключить это безобразие одним решительным движением. Пар обжигает ему лодыжки и голени, он оступает, проваливается ногой в один из гейзеров, кричит... и просыпается. С трудом встает, идет на кухню, потом, вспомнив вчерашнее, — в салон. Гладильная доска стоит на месте, а на ней... одна на одной, изрядно помятые свалены в кучу вчерашние рубашки. Пол пестрит вешалками, на которых они накануне висели. Они валяются так демонстративно, как будто хотят перечеркнуть вчерашнюю сцену. Перечеркнуть вчера. Жан-Поль хватает первую попавшуюся и быстро натягивает. Потом в два прыжка оказывается у зеркала.

Оттуда на него смотрит неопрятный мужчина с сияющим лицом.

ПОДАРОК НА РОЖДЕСТВО

Ну вот, ещё одно Рождество без чуда, — он посмотрел на часы. Через несколько минут приедет последняя пациентка — и рабочий день закончен. А праздничный так и не начнется. Тот, кто посвятил жизнь своему предназначению, должен быть готов к одиночеству. Тот, кто исцеляет других, должен быть готов столкнуться со своей беспомощностью, когда речь идет о собственных недугах... Нужно будет заняться рукой. Возможно — снова прооперировать. Без неё — ни другим не смогу помочь, ни себе... Ну, наконец-то:

— Алло, да, голубая дверь... Неужели не можете найти? Её ни с чем не спутаешь.

Вот непутевая, — не успел подумать он, как заметил стройный силуэт в проеме двери. К нему медленно приближалась элегантная женщина неопределенного возраста в широкополой шляпе, скрывающей глаза.

— Извините за опоздание. У меня головокружение. Я дезориентирована...

— Проходите. Садитесь поудобнее. Итак...

— Голова на плечах не держится. Непутевая я.

— Не понял?

— Не своим путем пошла. Шучу... Мышцы не держат позвонки. Позвонки заклинивают нервы... Говорят, нервы Арнольда...

— Говорят... — Он выдержал профессиональную паузу и с невозмутимым видом начал: Основные причины заболеваний — неправильное питание, воздействие погоды и негативные эмоции...

— В моём случае — эмоции...

— Например, гнев нарушает работу печени, которая связана с желчным пузырем. В результате развивается дискинезия желчевыводящих путей, холецистит, дуоденит. — Он монотонно произносил привычные фразы. — Зацикленность на проблемах угнетает поджелудочную железу, которая связана с желудком, почками и легкими. А грусть негативно влияет на легкие, которые связаны с толстым кишечником, почками и печенью...

— Да, много плачу последнее время...

— Представляете пентаграмму?

— Да.

— Это пентаграмма первоэлементов, каждому из которых соответствует по внешней стороне так называемый плотный — иньский орган, который накапливает энергию ци, а по внутренней — соответствующие полые органы — янские. Равновесие двух основ Вселенной — Инь и Ян — основное условие здоровья человека. Эти первоначала присутствуют во всех явлениях материального и духовного мира. От их соотношения зависит не только состояние организма человека, но и все явления в мире... Идеальным состоянием организма является равновесие между внутренними органами и баланс Инь и Ян в каждом из них. При любом нарушении баланса организма возникает болезнь, которая проявляется различными симптомами...

Она уронила голову на руки:

— Извините, мне так легче вас слушать.

— Дайте вашу руку... Вам обычно холодно или жарко?

— Холодно.

— Понятно... Нужно пить только теплое. И маленькими глотками. Покажите язык. Так.. Почки... Почкам вредит страх.

— Да, всё началось со страха. Я работаю с психосоматикой. Я очень многое делаю, чтобы облегчить своё состояние... Уже полгода...

— У вас слишком мало энергии. — Он продолжал зажимать пальцами пульс на обеих руках. — Это можно сравнить с лампочкой, питаемой электрическим проводом. Если к ней будет поступать недостаточно электричества, она будет гореть тускло. Если электричества будет слишком много, она перегорит. Активизация того или иного внутреннего органа означает усиленный приток к нему жизненной энергии «ци». Поскольку общее количество энергии в организме при этом не изменяется, он тем самым отнимает энергию у других органов. Энергия в теле распространяется и циркулирует по линиям-меридианам. Воздействуя на биоактивные точки меридианов тела и, тем самым, регулируя потоки энергии, можно корректировать работу внутренних органов, усиливая или успокаивая их. Благодаря этому устраняется причина дисфункции внутренних органов и связанных с ней болезней...

Он остановился, наткнувшись на пустой взгляд напротив.

— Улавливаете?

— Не всё. И не понимаю, как эта информация может мне помочь.

— Сейчас я вам помогу.

— Так помогайте скорее. Можно я лягу? Устала с дороги. Редко последнее время за руль сажусь.

— Проходите, раздевайтесь.

В маленькой комнате стояла кушетка, напоминающая массажный стол, а на полках, вмонтированных в стену — банки, мази, сигареты — всё, что она видела в китайском магазине. И книги: Традиционная китайская медицина, Иглоукальвание, Наука о меридианах, Даосская лечебная гимнастика...

— Я восемь лет прожил в Китае. Там научился, — поспешил он пояснить, заметив её недоверчивый взгляд.

— Честно говоря, я действительно сомневалась, идти ли к вам. Особенно такой день, когда нужно уповать на Высшие силы...

— Я — только садовник. Я тоже черпаю Оттуда...

— Я обратилась к вам в минуту слабости. Казалось, сама не справлюсь. А потом поняла, что если Бог создал человека по образу и подобию, он сделал его творцом своей жизни. И что только сам человек может себя исцелить.

— Может. Но сейчас вы слабы. И поэтому обратились за помощью.

— А как вы пришли в целительство?

— Я с детства открыл в себе дар и хотел лечить людей, но мой отец настоял на профессии инженера. Я повиновался, окончил институт... А потом, когда в двадцать семь лет сломал руку, сказал самому себе: хватит. И стал заниматься тем, чем всегда мечтал. Отец со мной тридцать лет не разговаривал потом... Ложитесь... Что это у вас на затылке?

— Пластырь перцовый наклеила, чтобы разогреть сухожилие. Забыла, что иду на акупунктуру. Начала отдирать, а там, где волосы, не получается.

— Правильно наклеили. В вас много холода накопилось, и теперь нужно много тепла. Сейчас я вам эфиром сниму. Только не усните — его используют для сна... Я постараюсь быстро...

— Да отрежьте его просто... Фу, как воняет.

— Нет, давайте волосы сохраним.

— Да зачем они мне? Режьте!

Как — зачем? Вы же — женщина, — хотел сказать он.

— Всё, снял.

— Теперь можно лечь?

— Нет ещё. Сначала я вам вьетнамским бальзамом кожу обработаю... Буду скрести по меридианам. Придется потерпеть. Но вам сейчас иголки нельзя. Нужно прогреть. А потом сигаретами прожжем точки.

— Сигареты знаю. Меня мама всё детство к целителям водила.

— А что с вами было?

— Да много чего... Не хочу вспоминать. Всё закончилось старенькой бабулей в глухой деревне. Она выкатывала яйца и что-то шептала надо мной. И таки помогло, представляете?

— Сила молитвы.

— Да. Отдохну, пока вы готовитесь. — Она вытянула ноги, и без особого напряжения, положила голову на голени, буквально сложившись пополам.

— Йогой занимались?

— Да, до недавнего времени... Пашчимоттанасана — поза долголетия. Уж очень жизнь полюбила с недавнего времени. Когда она почти оставила меня...

— А что произошло?

— Ошиблась... Возомнила себя крутой.

— А вы знаете, что ошибок вообще не существует? Есть только путь. И его невозможно пройти, ни разу не споткнувшись и не упав.

— Я это потом поняла. И простила себе. Но успела всё же наказать.

— Не думайте сейчас о прошлом. Сконцентрируйтесь на настоящем. И, если получится — на будущем...

— Да, я верю в выздоровление.

— Вот и отлично. Знаете, для чего в этой мази такая крышка? Чтобы скрести. Но я возьму серебряную монетку. Серебро отлично чистит. Потерпите, будет немного больно...

— О, да ведь это инь-янский символ Великого предела. Я несколько лет носила такую монетку — даосской себя считала...

Он начал энергичными движениями втирать торцом монеты мазь.

— Потерпите.

— Да я привыкла к боли, не волнуйтесь... Ой...

— Простите...

— Не извиняйтесь.

— Когда будет очень больно, говорите.

— П-попроб-бую...

— А вы терпеливая.

— Да, я внешнюю боль лучше переносу, чем внутреннюю.

— Ну вот. Посмотрите на спину в зеркало.

— Ужас!

— Через пару дней кровоподтеки сойдут.

— Надеюсь.

— А теперь — прижигание точек. Говорите: жжет — и я буду переходить к другой точке... Что же вы молчите?

— Я могу ещё потерпеть.

— Не нужно терпеть. Вы же не мазохистка?

— Нет. С недавнего времени. Надеюсь. Жжет...

Следующие полчаса прошли в полном молчании.

— Я вижу, вам нравится?

— Как может не нравиться, когда занимаются твоим телом?

— Некоторые не выдерживают... Что будете делать на Рождество, когда приедете домой?

— Вначале пройду по парку. Поговорю с деревьями.

— Как, вы тоже разговариваете с деревьями?

— Да, после ковида начала. Переболела — и перестала общаться с людьми. С деревьями интересней. И лица у них забавные. В них сразу характер виден.

— А надо мной друзья смеются, когда я им говорю это. Деревья многое могут рассказать. А что дальше?

— Ничего. Сделаю несколько фотографий. У меня коллекция: Духи деревьев, называется. Потом поеду домой, лягу перед мигающей елкой... Я впервые одна дома в этот день.

— Вы замужем? Дети?

— Муж и дочь... Они уехали к родителям.

— Они вас оставили одну?!

— Я сама приняла решение, чтобы не портить никому праздник, — и она заплакала. А он увидел маленькую девочку, которая хочет казаться взрослой и сильной, принимать решение и не зависеть ни от кого, но в последнюю минуту срывает маску и со слезами на глазах кричит: *я одна, помогите!*

— Не плачьте. Сейчас у вас немного поднимется настроение. Расслабьтесь.

Он взял её стопы, мягкими движениями начал массировать и внезапно кончиками пальцев почувствовал, как удовольствие разливается сначала по телу женщины, а потом

проникает в его руки и струится по всему телу. Ему даже показалось, что больная рука перестала ныть. От неожиданности он удвоил усилие, чтобы энергия, которой он насыщал её тело, текла в нужном направлении. Но, похоже, процесс был взаимным, она распределялась между ними обоими. Его глаза на миг закрылись, два тела подхватило, закружило... В этом круге оболочки исчезли, и он явственно различил как мужское перетекает в женское, а женское — в мужское, образуя знак Великого предела... Он открыл глаза и поднял взгляд на её лицо. Лицо сияло, морщины разгладились. На нём отражалось блаженство. Перед ним лежала совсем молодая женщина. Снова соскользнул взглядом к ногам и внезапно отметил, как гармонично и пропорционально она сложена. И снова не заметил, как время потекло сквозь руки... *В древности священнослужители излечивали болезнь благословением, но некоторым из них приходилось возлагать на больного руки.* Как удивительно, что эта совершенная оболочка больна, — вдруг подумал он. Он начал смотреть на её энергию и не увидел ничего мужского. Обычно энергии распределялись в человеке между мужским и женским, а здесь — сто процентная женская энергия. — Так вот почему позвонки не держат. — Он стал работать с этой энергией и ещё полчаса протекло в полном молчании. Перед ним лежало уже не тело, а воплощение женственности. И то, что он совершал сейчас, походило на священнодействие. *Священнослужитель — это магнетизёр, который смешивает субстанции и излечивает других,* — в состоянии идиллии вновь вмешался болтливый ум цитатой из Гурджиева. — *У больных не хватает смешанных субстанций, не хватает магнетизма, жизни...*

— Теперь садитесь. Не бойтесь. Опирайтесь на меня, — он подставил плечо.

— Спасибо. Это всё, что мне остается, пока я не научусь опираться на себя самоё. В следующий раз я приду к вам не за лечением, а за поддержкой, — она улыбнулась.

— Я рад, что вы улыбаетесь. Но знайте: вы сами возделаете ваш Сад. Когда окрепнете. Я всего лишь — садовник. — *Похоже, её садом по-настоящему никто не занимается,* — подумал он про себя.

— После звонка к вам мне приснилось, что я вышла на веранду, а там пересажены все растения. А одно, самое большое дерево срезано и подвешено к небу, и держится на каких-то

канатах. Оно теперь без корней, — в панике кричу я, — оно же умрет! Не волнуйся, — отвечает мне тот, кто пересадил всё, — оно будет расти в небе... Но мне всё-таки удалось посадить самой маленький росток в вазон.

— Вот и хорошо, — его пальцы скользили вдоль позвоночника. — Теперь откиньте голову назад.

— Боюсь. Я несколько месяцев не отпускала назад голову... без опоры.

— Не бойтесь. Вы не одна. Я здесь. Доверьтесь, — он почувствовал, как по её лицу потекли слезы. — Вы можете прийти, когда вам будет нужно. Вы не одна, — повторил почти шепотом и добавил: — Удивительно устроена жизнь. Не нужно ничего искать. Всё к тебе приходит само.

— Простите?

Он сказал, конечно, лишнее. Просто чтобы её поддержать.

— Не правда ли, это чудесно — то, что сейчас происходит? — Он продолжал вытягивать её позвоночник снизу вверх.

— Да. У вас — волшебные руки.

— И в следующий раз будет не так больно... Вам нужно прийти ещё. Вот и всё.

— Вставать?

— Да, — он почувствовал, как ей не хотелось открывать глаза. Потом она потянулась, как кошка, и он ещё раз отметил, насколько гибким было её тело. — Когда оденетесь, выходите.

— Возьмите, — она поспешно достала чековую книжку. — Заполните сами.

— Делаю вам скидку. Рождество всё-таки...

— Спасибо. Вы левша?

— Перелом был на правой... Научился писать левой. А потом ещё одна травма...

— На одной и той же руке?

— Да. Недостаточно отдавал, наверное.

— Вы? Да вы мне к тому же два часа вместо часа подарили!

— Шучу. Боксом долго увлекался. Сначала не хотел, а потом как попробовал, не мог оторваться... У меня повсюду что-то сломано. Я и с лошади падал, когда конным спортом занимался. И с парашютом приземлялся неудачно.

— Вы делали в жизни всё, что опасно?

— Да, многое пробовал. Жизнь-то одна?

— Вы думаете? А вы не хотите ещё раз... воплотиться?

— Просто такого опыта в следующий раз, я, возможно, не получу. Попросил там, наверху, по благу, перед тем, как отправлюсь на небо, дать мне возможность посетить все земные ателье... — Она рассмеялась. — Я очень рад, что вы больше не плачете. И смейтесь почаще. Вам очень идет смех.

— Спасибо вам огромное. Вы подарили мне надежду в этот волшебный вечер.

— Вы же заслуживаете это?

— Надеюсь... Я столько работала над собой последнее время...

Ему захотелось обнять это хрупкое тело, под которым скрывалась неизвестная ему вселенная, прижать к груди и напитать его ещё раз энергией...

— Здесь темно...

— Я провожу вас...

— До встречи в Новом году.

— Я вам желаю исполнения самого заветного.

— Я тоже вам желаю, чтобы все мечты сбывались, если у вас, конечно, ещё остались мечты.

— Конечно! Я никогда не перестаю мечтать. Во мне живет ребенок.

— Он, кстати, только что родился: взошла первая звезда...

Темнота поглотила её силуэт, а он некоторое время оставался на пороге, наслаждаясь внезапным декабрьским потеплением, вдыхая предрождественское чудо и зная, что лучший подарок он уже получил.